КАПИТАНЫ РУССКОЙ ФАНТАСТИКИ

АЛЕКСАНДР ПРОЗОРОВ

СМЕРТНЫЙ СТРАЖ – 3

ВОЛЯ СМЕРТНЫХ

Смертный страж

Александр Прозоров

Смертный страж – 3. Воля смертных

«Феникс»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1

Прозоров А. Д.

Смертный страж – 3. Воля смертных / А. Д. Прозоров — «Феникс», 2023 — (Смертный страж)

ISBN 978-5-222-41254-1

Серия захватывающих и динамичных фантастических боевиков от Александра Прозорова! Книга третья – «Воля смертных». Мир меняется. В лесах пробуждается от многовекового сна нечисть – предвестники возвращения своих создателей, Древних, силы куда более могущественной и опасной. Поднимает голову таинственный орден Девяти Заповедей. И снова судьба человечества ложится на плечи бывшего спецназовца Еремея Варнака. Новая, расширенная и дополненная версия романа.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1

ISBN 978-5-222-41254-1

© Прозоров А. Д., 2023
© Феникс, 2023

Содержание

Пролог 7
Глава 1 12
Глава 2 36
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Александр Прозоров
Смертный страж – 3. Воля смертных

© Оформление: ООО «Феникс», 2023
© Текст: Александр Прозоров, 2023
© Иллюстрации: Игорь Приходкин, 2023
© В оформлении обложки использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

* * *

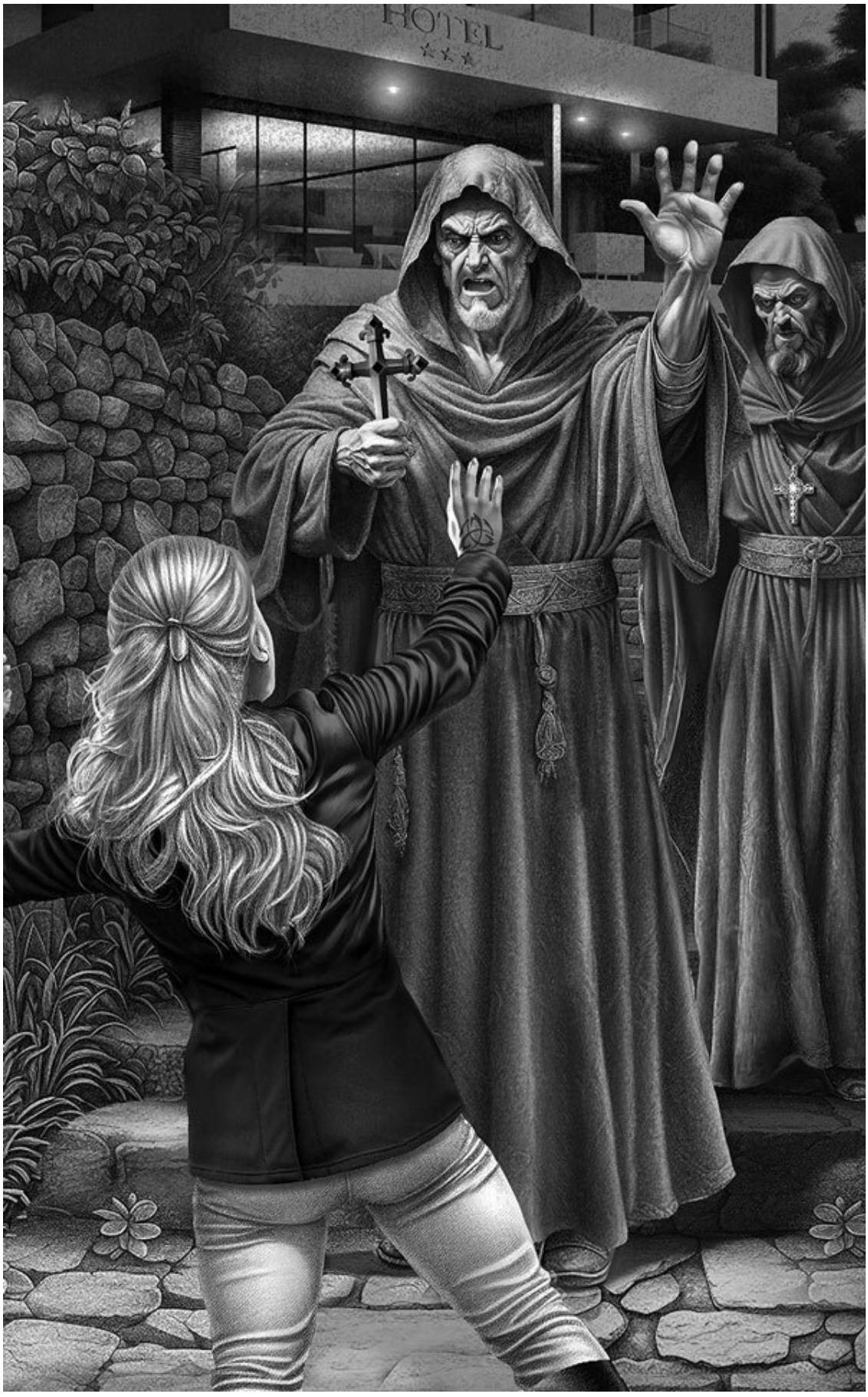
И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что и это – томление духа;

потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь.
(Екклесиаст 1:17,18)

Тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нем. Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот,

все – суета и томление духа! Кривое не может сделаться прямым, и чего нет, того нельзя считать.
(Екклесиаст 1:13–15)

Пролог



Толстые гранитные стены древнего альпийского замка никогда в своей истории не знали отопления. Двух-, а местами и трехметровый, монолит камня и замешенной на курином белке извести хранил в себе тепло так надежно, что внутри древнего строения не ощущалось перемен не то что между ночью или днем, но и между знойным летом и снежной зимой.

Впрочем, даже попытайся кто-нибудь натопить комнаты до комфортных для людей температур, упрямые стены наверняка взяли бы свое и тут же поглотили лишнее тепло, вернув привычную легкую прохладу, вынуждающую обитателей круглый год носить свитера и теплые носки, а спать под ватными одеялами.

Однако монахи ордена Девяти Заповедей не роптали. Что неприятно человеку, то крайне полезно для чувствительной аппаратуры атомных часов, детекторов жесткого излучения и оптики, для иного высокоточного оборудования многочисленных лабораторий.

Именно ради стабильности всех параметров окружающей среды капитул христианского ордена, находящегося под покровительством пророка Экклезиаста, и пошел на расходы, связанные с приобретением и ремонтом древнего замка, стоящего на отшибе от торных путей. В радиусе сорока километров от него не было ни железных дорог, ни оживленных автострад, и только дважды в сутки идущий рейсом на Мартиньи самолет проносился над средневековыми башнями, внося регулярную сумятицу в показания тончайше отъюстированных приборов.

Было в расположении замка еще одно весомое преимущество. В окрестных деревнях, давно утративших былую многолюдность, ордену удавалось размещать своих гостей и послушников недорого и с достаточным комфортом. Ведь многие из них имели семьи, растили детей.

Орден, много веков назад провозгласивший целью познание замысла Божьего, не требовал от своих последователей соблюдения целибата.

Архаика, почти не тронутая современной цивилизацией, тишина и покой внутренних покоев, древняя кладка из крупного, грубо колотого камня – все это само по себе создавало в келье настоятеля монастыря ауру мрачной мистической таинственности и сверхъестественного могущества. Хотя на самом деле плотная ряса с глубоким капюшоном всего лишь спасала настоятеля от замковой прохлады; полумрак, в котором единственным светлым пятном был письменный стол с клавиатурой и раскрытой тетрадью, являлся данью моде на экономию электроэнергии, захлестнувшей Европу в последние годы; а сам Курт Эйзель, профессор Оксфордского университета и обладатель сразу нескольких докторских степеней по геологии и геофизике, почетный член-корреспондент шести естественно-научных академий, не нуждался ни в каких дополнительных уловках, чтобы вызвать уважение к своей личности.

Наполнявший келью сумрак был удобен обоим собеседникам, размывая лица и позволяя особо не беспокоиться о том, выдает ли мимика истинное отношение собеседников к звучащим словам или успешно его скрывает.

– Надеюсь, брат мой Кристофер, случившееся с вами нежданное приключение не сильно отвлекло вас от основной цели поездки? – поинтересовался настоятель обители, водя компьютерной мышкой по столешнице. Что при этом высвечивалось на экране, Кристофер Истланд видеть не мог. Возможно, профессор торопливо открывал ведомости и накладные, а может статься, доигрывал начатую накануне стратегию с магами и драконами.

– Я полагаю, добиться основной цели мне удалось, брат мой, – ответил монах. – Дмитрий – ученый молодой, увлеченный, искренне желающий выбросить теорию относительности на свалку истории. Он и без нашего поощрения приложил немало сил к развитию баллистической теории Ритца, и его больше всего смущало то, что работает он фактически только для себя, в стол так сказать. Он не мог ни опубликовать своих работ, ни вступить в открытые диспуты по поводу правильности расчетов и выводов. Одно только мое предложение публикации само по себе заставит его активно работать над этой темой. А после того как он получит первые гонорары, после того как его супруга испытает ощутимое материальное подспорье от деятельности

мужа и поддержит его похвалой и лаской, он неизбежно начнет тратить куда больше своего времени на проработку нужной нам темы. От аванса Дмитрий, к сожалению, отказался… Но ведь у меня, брат Курт, и не было задачи засунуть его в мешок и привезти в наши казематы! Целью ордена является привлечение лучших специалистов-теоретиков к глубокой проработке теории Ритца. Дмитрий согласился на сотрудничество и уже в ближайшие дни обещал прислать развернутую статью для публикации в нашем «Вестнике». Если он будет работать у себя в стране, а не в нашем кантоне, орден получит тот же результат без дополнительных расходов.

– Что же, – щелкнул мышкой настоятель, – подождем публикации. Тогда и придет время делать выводы. Ну а в отношении всех прочих фактов из вашей докладной должен сказать, воспринимаются они братьями, имеющими отношение к истории и биологии, очень и очень настороженно. И это я, брат Кристофер, выразился довольно мягко.

– Хотел бы напомнить, профессор, что изначально инициатива спонсировать глубокие исторические раскопки в Пермском крае исходила не от меня, – невозмутимо парировал монах. – Я всего лишь был проинформирован общим порядком, что в России нашлись желающие отступить от светского обязательства археологов исследовать в тамошних землях только и исключительно земляные городища и совсем молодые памятники культуры. У ордена появился шанс вскрыть каменные могильники древней эпохи и получить неизвестные ранее факты. Собственно, вся моя роль свелась к доставке сюда той самой информации, которую желал получить орден Экклезиаста. Я оказался рядом чисто случайно, в силу стечения обстоятельств, и всего лишь соблюдал интересы христианской веры и нашего братства. Я понимаю, обнаруженные факты весьма резко отличаются от того, что привыкли изучать историки. Но разве то, что факты кажутся безумными и бредовыми, является их опровержением?

– Спасибо, брат, я помню наш устав, – кивнул настоятель. – Любое найденное орденом Девяти Заповедей знание, позволяющее ярче раскрыть полноту и глубину Божьего замысла, должно считаться истинным, если не доказаны ошибки монаха при получении этого знания либо если оно не объясняется точнее и проще, исходя из иного опыта и знания ордена.

– Иного знания, соприкасающегося с этой темой, на сегодня просто не существует! – уверенно ответил Кристофер Истланд.

– Вот тут вы ошибаетесь, друг мой, глубоко ошибаетесь. – Настоятель оставил мышку и откинулся на спинку кресла, совершенно растворившись в темноте. – Итак, брат мой Кристофер, из вашей докладной записки следует, что вся человеческая раса была создана некими богами примерно сто тысяч лет назад. Многие из этих богов погрузились в анабиоз, опасаясь тягот войны, вызвавшей в итоге нечто похожее на ядерную зиму, которую мы считаем великим оледенением. Более того, для охраны своих могильников эти боги создали существ, способности которых превышают все мыслимые для нас пределы. И вы с этими существами благополучно общались.

– Вы намерены обвинить меня во лжи? – сухо поинтересовался Кристофер Истланд.

– Ну что вы, друг мой! – искренне удивился настоятель. – Мне легче поверить в реальное существование богини Гекаты, нежели в то, что кто-то из монахов нашего ордена примется сознательно лгать. Ведь все мы служим Господу, создавшему наш мир и нас самих по образу и подобию своему, а не гонимся за славой или повышенными гонорарами. Если бы вы хотели солгать, вы обратились бы на телевидение, а не утопили свою тайну в наших архивах. Служители Бога не лгут! Поэтому, брат мой, давайте не станем придумывать обиды, а поговорим серьезно. Хорошо?

– Простите, настоятель, – склонил голову Истланд. – Найденные мною факты столь неожиданны, что я и сам верю себе с большим трудом.

– Что же, тем лучше. Вам будет легче понять озабоченность ордена. Однако обсудим возникшие вопросы по пунктам. Первый. Проще всего нашим братьям было бы доказать, что собранные вами факты ошибочны. И они попытались это сделать, ибо вы указали, что одно

из странных существ, обликом и подобием близких людям, отправилось с получательницей нашего гранта в Перу. Это оказалось не просто правдой, но еще одним невероятным эпизодом исследования! Существо, называемое вами «привратник», было объявлено там в розыск по обвинению в наркоторговле и грабежах с применением гипноза. И несмотря на то, что для его задержания использовались силы специальных отрядов с опытом ведения боевых действий против наркокартелей, а в дальнейшем были привлечены и силы армии, задержать привратника им не удалось. Причем они понесли потери в два десятка человек и два бронеавтомобиля. Сам же привратник, по отдельным сообщениям, был убит, и смерть его надлежащим образом констатировали, после чего он не просто неожиданно ожил, но и успешно продолжил схватку с полицией.

– Они были всего лишь смертными, – сочувствующе пожал плечами Истланд.

– На этом вопрос с вашими личными заблуждениями был закрыт, брат мой! Обнаруженные сведения в любом случае являются неожиданными, интересными, и если мы желаем познать всю полноту Божьего замысла, то орден Девяти Заповедей просто обязан досконально разобраться со всеми деталями Его творения!

Успокоенный Истланд согласно склонил голову.

– Пункт второй, – продолжил настоятель. – Мы попытались дать объяснение найденным вами явлениям, исходя из ранее известных фактов и существующих теорий. Наиболее свежие из них весьма интригуют. Так, наш брат, доктор микробиологии Марк Стоункинг[1] из института эволюционной антропологии в Лейпциге провел генетические исследования ста восьмидесяти платяных вшей, изучая объем их мутационных отличий от вшей обычных, волосяных. Он вполне логично предположил, что платяные вши могли возникнуть только и исключительно с появлением одежды, и никак иначе. Так вот, по его подсчетам, первый паразит, живущий не на теле животного, а в носильных вещах, возник семьдесят две тысячи лет назад. В этот период никто и никогда на нашей планете ни во что не одевался! Этот срок несколько выше, нежели те сорок тысяч лет, что мы отводили человечеству ранее, однако он удивительным образом приближен к началу великого оледенения и возрасту пермского серебра. А также к дате сотворения нас некими разумными существами, всплывшей при раскопках на… – настоятель скосил глаза и шевельнул мышкой, – на реке Акчим.

Кристофер Истланд снова согласно кивнул.

– Таким образом, перед орденом пророка Экклезиаста возникла странная дилемма. Все мы знаем, что генетически человек ближе всего к приматам. И все мы знаем, что в то же самое время по сумме морфологических признаков, таких как наличие рудиментарных мышц носа, голая кожа, половые органы и поведенческие инстинкты, по внутреннему своему строению человек скорее относится к зубатым китам, нежели к обезьянам. Ваши утверждения, брат мой, о том, что человек создан целенаправленно методами генного модифицирования… а именно путем привнесения в организм обезьяны ряда дельфиньих гистонов, а также о том, что целью нашего создания было использование людей для строительных работ на океанском мелководье, являются самыми бредовыми из всех, которые только звучали в стенах ордена Девяти Заповедей! И все же, как ни странно, эта ваша теория на сегодня является единственной, которая хоть как-то способна совместить в единое целое все известные современной науке факты. И особенности строения человека со всеми его приспособлениями к обитанию в водной среде, и генетику приматов, и, что немаловажно, внезапность нашего появления на планете при полном отсутствии видовых предков.

Кристофер Истланд снова склонил голову, на этот раз пряча торжествующую улыбку. Он понял, что выиграл.

---

[1] Автор ссылается на исследования доктора Марка Стоункинга (Mark Stoneking) из института Макса Планка. (Прим. авт.)

– Следуя заветам пророка Экклезиаста, небесного покровителя нашего ордена, поручаю вам, брат мой доктор Истланд, предпринять все возможные силы для сбора любых сведений о найденном на Акчиме могильнике, о скрытом в нем существе, его целях и способностях, а также обо всех прочих существах, с которыми вам довелось столкнуться! – торжественно сообщил настоятель. – Орден готов оплачивать все ваши расходы, связанные с сим поручением, и оказывать иную необходимую поддержку. Не скрою, брат мой, все мы заинтересованы получить скорее не подтверждение, а опровержение вашего первого доклада! Уж очень странным и непривычным рисуется мир в вашем изложении. Однако мы не можем отбросить в сторону найденные и научно подтвержденные факты о своем происхождении только потому, что они кажутся нам слишком сложными или нарушают привычные теории мироздания. Как того требует вторая заповедь Господа, дарованная пророку Моисею, ваша теория, брат мой, должна либо получить научно обоснованное опровержение, либо быть признана достоверной истиной, повествующей о нашем происхождении. Ступайте, брат мой! Я надеюсь в ближайшее время получить от вас доклады, содержащие подробные и достаточные сведения, которые позволят сделать более обоснованные выводы и провести независимые исследования. Да пребудет с вами удача…

Глава 1
Повелитель проклятий

Садоводство «Вишневик» в семи километрах от Корзова показалось Варнаку самым удобным из всех возможных для лежки мест. И город недалеко, даже пешком в любой момент за пару часов дойти можно, и лес вокруг влажный и густой, почти непролазный. Видать, каждую весну затапливается и на половину лета превращается в болото. А потому к осени в нем ни грибов, ни ягод искать смысла нет. Да и дрова все трухлявые, больше намучаешься собирать, нежели тепла получишь.

В общем, яркое наследие заботливой советской власти, обожавшей давать труженикам дачные участки в самых что ни на есть невыносимых неудобьях – на болотах, каменных суглинках и солончаках. И разумеется, извечным трудолюбием русским мертвые пустоши неизменно превращались в цветущие сады и обильные огороды!

А болота или солончаки окрест оазисов как были мертвыми, так мертвыми и оставались.

Однако негодные для грибов и ягод болотины давали безопасный приют множеству уток, прочих мелких птиц и всякого водяного зверья, часть которого оставалась в гнездовьях и норах даже после пересыхания топи. А значит, Вывею хватало простора порезвиться, поохотиться и безопасно отдохнуть. После московского асфальта и газонов с кустами наперечет – настоящий земной рай!

Варнак вместе со звериной своей сущностью искренне радовался здешней топкой благодати, но для себя предпочел бы укрытие более человеческое. Хотя бы крохотную комнатку с одной кроватью и душевой во дворе! Однако объявлений о сдаче внаем на столбах и стендах, увы, не наблюдалось.

Вестимо, владельцы маленьких хаток предпочитали отдыхать в них сами, а обладатели больших особняков не нуждались в мелкой копеечке, которую можно снять с забредшего в такую глухомань квартиранта.

Еремей ходил по длинным, поросшим ивами садоводческим линиям, с надеждой вчитываясь в бумажки на заборах и калитках. Колеблясь при этом между желанием нагло забраться в какой-нибудь из заброшенных домов с выбитыми стеклами и мыслью выкатить спрятанный в кустарнике у ручья мотоцикл и поехать поискать удачи в другом поселке. Он уже почти решился отправиться к соседнему селению, когда вдруг услышал тихую жалобную просьбу: «Пропустите, пожалуйста, мальчики… Не мешайте».

Бывший спецназовец вздохнул, вспомнив слова полковника Широкова о том, как охотно находят Еремея Варнака неприятные приключения даже в самых тихих и безопасных местах, и повернул на звук, проходя прямо через участки, благо высоких заборов в садоводстве никто не ставил, чтобы не нарушить доисторические советские правила.

Приключение оказалось совершенно безобидным. Утонув в облаке пивных паров, трое парней призывного возраста окружили бледную очкастую девицу повышенной упитанности, стриженную под мальчика и одетую в длинное серое платье, да вдобавок еще и с холщовой сумкой.

По возрасту – старшекурсница, по виду – монашка монашкой из категории собирательниц на восстановление.

Возможно, таковой она и являлась, ибо один из мальчишек, дергая ее за рукав, звал на танцы вместо молитвы, а другой предлагал спеть им мантру прямо сейчас. Третий был занят – посасывал пиво из полупустой бутылки.

– Пропустите, мальчики. Вы ведь люди. Люди должны быть добрыми друг к другу!

Парни дружно расхохотались, и Варнак не утерпел:

– Веселитесь, ребята? – спросил он, втискиваясь в середину. – Можно, я тоже с вами?

Он решительно забрал бутылку и вылил остатки пива на голову его владельца. Засмеялся в меру своего артистического мастерства.

Получилось, наверное, не очень, поскольку парни отчего-то загрустили:

– Мужик, ты чего, охренел? Тебе звездюлей навешать?

– А чего, разве не смешно получилось? – удивился Еремей, отступая чуть назад и влево, чтобы все трое были у него на виду. – Ну, тогда прощения просим. Будем веселиться по старинке. Кто, кому, чего и больше навешает. Чего застыли? Начинайте!

– Да они безобидные совсем, брат мой, – неожиданно вступилась толстушка. – Они ничего плохого не думали.

– Так и я ничего плохого не сделал, – развел руками Еремей. – Видишь, даже пальцем никого не тронул. Пока.

– Ты козел! – храбро выкрикнул обтекающий пивом юнец.

– Давай я тебя провожу, добрейшая сестра без плохих мыслей, – предложил Варнак. – Здесь продолжения сеанса божьих дел явно не ожидается.

– Дебил поганый! – нашелся второй из парней. – Навалять бы тебе, да мараться неохота.

Варнак был с ним полностью согласен. В своей жизни он переломал столько костей и выпустил столько человеческой крови, что стремления самоутверждаться над косенькими мальчишками не испытывал. Посему спецназовец просто взял девушку под руку и повел дальше по линии.

Облако пивной кислятины осталось за спиной.

Приключение закончилось, практически не начавшись.

– Святоша! – крикнул напоследок еще кто-то, и вся троица торжествующе засмеялась.

– Не сердись на них, брат мой, – крепче взяла его за локоть девушка. – Их души мечутся в смущении, желая чистоты, но они не решаются войти в наш ашрам, ибо привыкли проводить дни в дурмане и безделии. Они хорошие, просто еще не нашли правильного пути для своей жизни.

Здесь, в стороне от подростков, наконец ощутился ее образ: запах тмина с лавандой на фоне сенной душистой пряности. Ростом она едва доставала Варнаку до плеча, а когда ветерок прижимал ее хламиду к телу, то девушка казалась не такой уж и толстой, нежели когда тряпье просто свисало с плеч.

– Что за ашрам? – заинтересовался Еремей. – Откуда он тут мог взяться?

– Брату Нирдышу дед в наследство дачу оставил, вот мы сюда и переехали. В городе за аренду нужно платить, а здесь мы живем бесплатно.

– Нирдыш? Откуда такое имя?

– Он прошел посвящение, стал просветленным. А меня зовут Маалоктоша, – скромно потупилась она. – Можно просто Тоша.

– А меня зовут Еремей. Можно просто Рома. Значит, ты тоже просветленная?

– Да! Мы посылаем фотографии в главный ашрам в Индии, и там просветленные брахманы, обладающие высшей мудростью, определяют по ним, кто из послушников достиг нужной степени просветления, чтобы обрести новое, святое, имя, и пишут это в ответном письме. Мое имя именно это и означает: светлая.

– Что же это за религия такая, Светлая?

– Буддизм. Мы следуем путем Будды, но только истинным путем!

– А есть еще и ложный? – стало любопытно Варнаку.

– Да, и он наиболее известен среди человечества.

– Я так полагаю, ты как раз на обычный буддизм намекаешь, с его храмами и «колесницами»?

– Будда учил, что богов нет! Богов не существует. Вообще. Есть люди, достигшие совершенства, – нараспев ответила просветленная. – Поэтому богам бессмысленно молиться. Нужно следовать пути совершенных, и тогда сам сравнишься с ними в своих возможностях. Ты обретаешь покой, сливаешься с миром в единое целое. Ты становишься счастливым, подобно деревьям и травам, подобно птицам и зверям, не отягощенным никакими заботами. Это так прекрасно: впитывать чистый солнечный свет, ощущать себя частью восхода или теплого летнего дождя!

– Главное не простудиться после подобного ощущения, – прагматично заметил Варнак.

– Ты просто никогда не испытывал такого наслаждения, Рома, – ответила девушка, останавливаясь возле участка с просторным, но ветхим домом, обшитым вагонкой, покрашенным в зеленый цвет и крытым железом, тоже густо замазанным краской. Вестимо, кровля была неоцинкованной, и прежний хозяин старательно заботился о ее целостности, тщательно прокрашивая каждый год или два.

Смену владельца наглядно доказывали земляные полоски вдоль металлических гребней. Раз накопились, значит, последние три-четыре года крышу не мыли. И уж само собой, не прокрашивали.

Вдоль самого фундамента рос густой бурьян, такой же тянулся у стен дальнего жердяного сарайчика. Ну а наличие новых обитателей определялось по хорошо утоптанной площадке размером чуть не во весь участок и нескольким грядкам по углам, на которых росли вперемешку лук, укроп и какие-то розоватые цветочки.

– Ты даже не представляешь, Светлая, что именно я успел испытать в своей жизни! – усмехнулся Варнак.

– Если мы хотим достичь гармонии, то должны быть частью друг друга, а не шарахаться в страхе поодиночке.

Тоша взяла его за руку и повела за собой по гаревой дорожке к крыльцу, потом наверх по ступеням, толкнула входную дверь и вошла в пахнущий воском, укропом и брусникой дом.

Из-за ее спины Еремей не увидел, кто именно издал восторженный крик:

– Тоша вернулась!!!

Почти сразу послышался громкий топот, со всех сторон к Светлой кинулись молодые люди и девушки – обнимали ее, прижимали к себе, целовали в щеки, словно увидели родную сестру после долгой разлуки. Волна радости схлынула только через несколько минут, и тут Маалоктоша внезапно подтянула Варнака ближе к себе и вытолкнула чуть вперед, лаконично сообщив:

– Это Рома. Он хороший.

– Рома, как здорово, что ты к нам пришел! – тут же обняла его плоская, как доска, девица с длинными черными косами.

– Рома, рада тебя видеть! – чмокнула его в щеку конопатая девчонка лет пятнадцати.

– Хорошо, что ты с нами, Рома, – сжал его в объятиях крепкий паренек спортивного вида, и почти сразу за ним так же стиснул и прижал к себе хипповатый жидкобородый переросток лет тридцати с большими голубыми глазами.

Потом опять обнимали и целовали девушки, и наконец, уступили место совсем уже взрослой женщине в джинсах и вытертой водолазке. Взгляд у нее был усталый, как у приведенного на бойню престарелого быка, кожа лица серая, а пахла она лекарствами, причем пахла настолько сильно, что выпирающий из пор больничный дух перебивал все остальные ароматы – и одежды, и тела, и дыхания.

– Я рада, что ты пришел к нам, Роман. – Она тоже обняла гостя, но без старания. – Заходи, ищи себе уютное место. Мы как раз собирались пить чай, а потом будет медитация. Ты знаешь, что такое кундалини?

– Нет. А еще мое полное имя Еремей, а не Роман.

– А мое – Галина Константиновна, – кивнула она.

– Вы не прошли посвящения? – удивился Варнак. – А мне вы показались здесь старшей.

– Ты не ошибся. Но быть старшей и быть просветленной – это совсем не одно и то же. Давай я объясню тебе, как проходит медитация. Она делится на четыре части. Ты ощутишь переходы, когда услышишь музыку. Первая часть – это расслабление. Ты должен отключить разум и делать под музыку те движения, которых захочет твое тело. Так ты достигнешь гармонии с ним и полного расслабления. Вторая часть – это стряхивание с себя негативной энергии, накопившейся за день. Каждый из членов ашрама должен стоять и трястись, чтобы энергия слетела и впиталась в пол, ушла в землю. Дальше идет отдых, когда ты просто лежишь и позволяешь влиться в себя свежей, чистой энергии взамен ушедшей. И наконец, завершающая часть – это период релаксации, отдых после медитации. После этого мы сможем снова собраться в чайной комнате и побыть вместе.

– Прекрасно! – кивнул Еремей, мысленно прикинув необходимое на все это время. – Я попробую. Возможно, у меня получится.

– Нужно стараться, – ответила старшая ашрама. – Умение чувствовать потребности тела – это очень важные азы на пути постижения законов гармонии и покоя.

Варнак не смог сдержать счастливой улыбки, ибо в этот самый миг Вывей в стремительном прыжке сцапал крупную утку. Теперь он вместе со своей звериной частью ощущал, как рот наполняется свежей парной кровью.

Разве может быть что-то приятнее и сладостнее, особенно после долгого заключения в мертвых городских трущобах!

– Если это окажется твоим путем, я буду только рада, – сказала Галина Константиновна. – Ашрам всегда счастлив принять ищущих истину.

Отпущенный женщиной, Варнак пошел осматриваться.

Ашрам занимал самый обычный дачный домик примерно сорока квадратных метров, считая с верандой и вынесенной в отдельную пристройку кухонькой. Однако, благодаря снятым внутренним дверям, он казался куда просторнее, нежели был на самом деле.

– Это наша чайная комната, – охотно пояснила, пристроившись рядом, конопатая девчонка, пахнущая полынной горчинкой, странной мускусной «Шанелью» и слабым раствором известки, как это бывает при застарелом пристрастии некоторых дам к дезодорирующему увлажняющему мылу. – Мы готовим мало, поэтому оставили только плиту, чтобы чайник кипятить, и стол, за которым все собираемся. А вот это, – указала девушка на веранду и большую комнату, – это помещения для медитаций. Вон та комнатка, которая с дверью, она нашей учительницы. Она там спит, а когда все уходят, убирает туда музыкальный центр. На всякий случай. Ведь ашрам всегда открыт для всех.

– Галина Константиновна – ваша школьная учительница? – не понял Варнак.

– Нет, она учитель духовности! Она добрая и заботливая, она создала наш ашрам, и она нас любит.

– А твоя мама знает, куда ты ходишь?

– Не нужно говорить со мной как с маленькой, а то я могу обидеться, – вскинула нос «конопушка». – Мне уже семнадцать лет, и я вполне взрослая, могу жить, где хочу, даже если родители против!

– Вполне тебя понимаю, – подмигнул ей Варнак. – Я сам больше десяти лет провел там, куда маме очень не хотелось меня пускать.

– Ты сидел в тюрьме?! – округлила глаза девчонка.

– Типун тебе на язык! Я служил в армии.

– Ой, прости! – «Конопушка» кинулась Еремею на шею, поцеловала в щеку, крепко прижалась ухом к плечу. – Я не хотела тебя обидеть!

– Да я и не обиделся.

– Тогда меня Юлей зовут, – чуть отступила она и взяла его за руку. – Ты молодец, что пришел. Тут хорошо! Ни с кем в нашем ашраме мне не хотелось бы расставаться ни на минуту!

– Но на ночь-то ведь приходится расходиться?

– Зачем? У нас наверху, под кровлей, большой сеновал. Мы всегда там ночуем. И травы самые душистые туда летом собираем. Полынь, лебеду, крапиву. Она, когда высохнет, не жжется и очень сильно пахнет. Ну и просто еще косим, когда есть где. Зимой, правда, холодно будет там, придется в комнаты для медитаций перебираться. В них от печки тепло.

– Как же у вас тут хорошо! – громко и искренне ответил Варнак.

Он наконец-то выяснил самое главное: здесь есть место для ночлега. И ради этого спецназовец готов был изобразить любое «кундалини». Тем более что и Вывей успел утоптать себе в густом крапивнике, с наветренной стороны от спрятанного мотоцикла, уютное логово.

В медитации не оказалось ничего страшного: вместе со всеми прочими сектантами Еремей немного поплясал в стиле диско, дрыгая ногами, кружась и вскидывая руки, потом минут десять мелко вибрировал всем телом, «сбрасывая негативную энергию», и в конечном итоге упал на пол отдыхать. Или, говоря буддистским языком, «вбирать чистую энергию».

Когда наконец зазвучала расслабляющая музыка, перемежаясь с журчанием воды и пением птиц, сектанты стали один за другим подниматься и убредать на кухню.

Варнак не торопился. Ему было хорошо: то ли и правда медитация помогла выкинуть из тела что-то нехорошее, то ли он просто по-настоящему расслабился впервые за долгое-долгое время.

На кухоньке гудела набитая хворостом печь, тяжело пыхтел большой чайник с длинным изогнутым носиком. Еремей вошел сюда одним из последних, перед мальчиком-переростком и бледной девицей с длинными немытыми волосами.

– Вот мы и стали еще немного чище, еще немного совершеннее и еще немного ближе к гармонии с миром, – воодушевленно произнесла Галина Константиновна. – Давайте возьмемся за руки и еще раз вспомним чудесные мгновения этой медитации, дабы удержать их подольше и сохранить в душе чистоту и ощущение нашей близости!

Усевшись на полу кружком, сектанты взялись за руки и закрыли глаза, прислушиваясь к чему-то внутреннему.

Варнак тоже старался как мог, но у него это получалось очень плохо. Для него, давно ставшего полуволком, тихая комнатка была наполнена, словно оживленной беседой, множеством запахов и шумов. Он слышал, как неровно билось сердце старшей ашрама и различал хрипы ее дыхания; он чувствовал, что давно не мытая девица с сальными волосами источает едкую кислинку, каковая ощущается лишь от беременных дам, и по примеси к этой кислинке запахов спортивного паренька догадывался, что именно тот и является отцом, хотя от прикосновения руки девицы дыхание учащалось у хипповатого переростка.

Какая тут, оказывается, оживленная жизнь и каким успехом пользуются грязнули! А он, грешным делом, считал, что, кроме как на Маалоктошу, которая тоже до идеала красоты явно недотягивает, тут и смотреть больше не на кого.

– Вот и хорошо, дети мои, – позволила расцепить руки Галина Константиновна. – Вы сейчас светлы и чисты. Именно с этой чистотой внутри вам и надлежит жить постоянно. А теперь – зеленый чай с булкой. Тоша, разлей, пожалуйста! И еще, милые мои. Вы знаете, чай у нас заканчивается, и у Нирдыша получить еще на складе не получится. Также надо бы купить картошки и булок. Мы все еще слишком далеки от той степени просветления, когда можно обходиться вовсе без пищи. Я договорилась с нашими соседями с седьмой линии. Если мы прополем их огород и выкосим участок, они дадут нам мешок картошки. Так что завтра после утренней медитации все идем туда.

– Прошу прощения, Галина Константиновна, – поднял руку Еремей. – У меня есть своя работа. Может быть, вы позволите мне не проводить завтрашний день на прополке, а просто купить картошку в магазине?

– Если ты хочешь внести свой вклад в жизнь ашрама материально, брат мой, – ответила женщина, – будет лучше, если ты оплатишь счет за свет. Наша чистая карма не позволит нам остаться без пищи. Но вот забота о деньгах слишком далека от процесса самосовершенствования.

– Как скажете, – согласился Варнак.

Общий ужин, состоявший из большой чашки почти прозрачной горячей воды и пары кусочков булки на нос, для крепкого отставника был все равно что ничем, но Еремей не роптал, вслед за всеми забрался на чердак, по высоте наполовину забитый лежалым сеном. У большинства сектантов здесь имелись подстилки из старых скатертей, простыней или просто кусков брезента, однако прочная мотоциклетная ветровка и штаны из той же плотной плащовки позволяли Варнаку и так не бояться уколов сухих стеблей.

Дождавшись, когда Тоша выберет себе место, он зарылся в сено рядом и прикрыл глаза, думая, как бы начать разговор. Но все молчали, первым нарушать тишину он не хотел, а вскоре уже услышал спокойное размеренное дыхание спящей девушки.

«То-то от них от всех пряным ароматом отдает», – подумал полуволк, устраиваясь поудобнее, и вскоре тоже провалился в сон.

На рассвете их всех разбудила музыка релаксации, потом были пения мантр, состоящие из протяжного вытягивания слога «О-ом-м-м-м…» – который, по уверениям Галины Константиновны, означал имя солнца, затем последовал завтрак, состоящий опять же из зеленого чая и булки с вареньем.

Посему Варнак с огромной радостью получил от старшей квитанцию для сберкассы и ушел, чтобы через полчаса подкрепиться в шашлычной парой больших рубленых шницелей, дополненных капустой брокколи, горстью горошка и жареной картошкой. И уже потом спецназовец с чистой совестью занялся делом.

Мэрия Корзова находилась в типовой панельной административной двухэтажке, каковых по территории бывшего СССР понастроено десятки тысяч. Украшалась она широким козырьком у входа, мозаичными космонавтами на столбах, мозаичным же панно «Слава КПСС!» на стене под самой крышей и памятником Ленину, не вынесшим долгих десятилетий и потому потерявшим половину лица, ухо и кусок шеи.

«КПСС» оказалась выносливее: омытое дождями и подсвеченное утренним солнцем панно блестело, как новенькое! Маленький городок едва насчитывал пятнадцать тысяч жителей и выживал за счет всего лишь двух предприятий в виде древнего консервного завода и новенького ангара для сборки и переналадки стиральных машин, и его руководство с призраками прошлого бороться не собиралось.

Вместо истребления надписей и скульптур оно предпочло поменять окна на стеклопакеты и укрепить фундамент, оставив все прочее как есть: и памятник Ильичу перед крыльцом, и растрескавшийся фонтан со ржавыми лепестками в форме звезды, и растущую вокруг на газонах могучую сирень, уже достающую до второго этажа.

Последнее порадовало Еремея больше всего, поскольку кабинет главы города и всего района находился на первом этаже и подходы к нему закрывались сиреневыми зарослями наглухо. Тут можно было не только крохотные выносные микрофоны и камеру видеорегистратора сквозь просверленные в раме дырочки протолкнуть, но и штатную телекамеру любого канала повесить – никто не заметит.

Чем «леший» и занялся. Не в смысле телекамеры, а в смысле аккуратного просверливания двух восьмимиллиметровых отверстий и проталкивания в них микрофона и камеры.

В успехе своих стараний Варнак был уверен на все сто! Когда глава администрации ездит на машине ценой в пять своих годовых зарплат, ставит забор вокруг дома ценой в треть оклада за каждую секцию и строит на месте купленной хибарки коттедж, за который невозможно заплатить даже за пятнадцать ее жизней…

Причем это с условием не тратиться на одежду и еду!

В общем, тут и ежику понятно, что посторонние доходы у бессменной мэрши Корзова обнаружатся при первом же внимательном взгляде на круг ее общения.

Как-то не очень верилось Еремею, что у дочери бывшего секретаря обкома ВЛКСМ вдруг взяло и обнаружилось богатое наследство!

Тем более что родитель ее оставался жив-здоров, пусть и пребывая на пенсии, и тоже отстраивал себе просторную бревенчатую хатку с бассейном и полем для гольфа, хотя и далеко в области. Где на сельских просторах все, само собой, намного дешевле. И дачные участки можно измерять гектарами.

Сведения небогатые, но достаточные были почерпнуты Варнаком из Интернета, в котором на нескольких страницах «жижи» против Аллы Альбертовны Потохил велась настоящая война. Боевая оппозиция из доброго десятка активистов крайне возмущалась неработающим фонтаном, нестертой надписью на здании администрации и неразрешенным митингом против мэра под его окнами. А также тем, что полная газификация Корзова была проведена по коррупционной схеме – к себе в коттедж мэр протащила трубы совершенно бесплатно. Весьма вероятно, она даже не установила у себя счетчики.

Более конкретные факты Варнак рассчитывал выведать сам, а потому раскинул свои скромные сети у кабинета и возле дома местной первой леди, устроившись своей волчьей частью под сиренью у здания администрации, а человеческой плотью – заняв очередь в сберкассу.

До обеда ничего не происходило – Еремей успел не только заплатить за свет и выпить две чашки кофе в «мороженной», но и насладиться видами с набережной на потерявшийся среди бузины и рябины ручей, сто лет назад служивший главной транспортной артерией региона.

По утверждениям историков, по Корзову когда-то ходили огромные ладьи и ушкуи[2] под всеми парусами! Сиречь размерами – вдвое шире нынешнего русла, а осадкой – втрое глубже.

Краеведческий музей Варнак посетил со скуки еще накануне и теперь твердо знал, что раньше и реки были обильнее, и леса гуще, и горы выше, и небо голубее!

Он уже совсем было собрался в музей второй раз – разведать, в каком месте узкого овражка стояла торговая пристань, но тут Вывей услышал из кабинета мэра телефонный звонок и приподнялся, навострив уши.

Пару минут Алла Альбертовна разговаривала ни о чем: интересовалась здоровьем каких-то людей, успехами в учебе и камеральными проверками, а потом вдруг торопливо предупредила:

– Нет-нет, сюда приходить не нужно! Я сейчас поеду обедать. В «Корзополь». Там и поговорим.

– Весьма разумно, – вслух признал Еремей, резко меняя направление движения. – Кабинет – это такое место, где всякие любопытные так и норовят микрофон запрятать или селектор оставить включенным. О серьезных вещах лучше беседовать в местах неожиданных, куда заранее никакой аппаратуры никто не запихнет.

Где находится ресторан «Корзополь», Варнак знал и успел туда прийти даже раньше жертвы. Занял место в углу, откуда просматривался весь зал, и заказал стейк из семги и салат,

[2] Ушкуй – историческое название новгородского плоскодонного парусно-гребного судна примерно XI–XV веков. (Прим. ред.)

с расчетом на то, что первое наверняка придется ждать, а со вторым можно, если понадобится, потянуть время, ковыряя вилкой хоть целый час.

Ресторанчик был очень симпатичный, стильный, оформленный под малороссийский хуторок: плетни вдоль увешанных рогожами стен, узкая телега с крынками вместо барной стойки, стилизованные под пеньки столы неровной формы. Но маленький – всего на полтора десятка столов.

В провинциальном городке явно не хватало клиентов, чтобы окупить более крупный дизайн-проект ресторатора.

Едва официантка в вышитом сарафане отошла от Еремея, как хлопнула входная дверь и «леший» впервые увидел Аллу Альбертовну в реальности.

Пышные темно-русые волосы до плеч, убранные двумя сверкающими изумрудами заколками; хищный, стреляющий по сторонам взгляд чуть прищуренных глаз; длинные черные ресницы и такие же черные тонкие, полуизогнутые брови; острый, словно заточенный карандаш, нос и скупые, но яркие губы.

Даже с десяти шагов от нее пахло дорогой «Шанелью» и слабым естественным мускусом. Деловой костюм с короткой, на две ладони выше колен, юбкой был продернут зеленой нитью, слабо поблескивающей в свете спрятанных в лампады галогенок, колготки с крупным рисунком и туфли имели оттенок уральского малахита.

Даже в Москве она выглядела бы на миллион! Здесь же была воистину королевой.

Или принцессой? Все же на вид ей казалось никак не больше тридцати.

Взгляд ее величества выстрелил в сторону скуластого мужчины в свитере, неторопливо уплетающего зеленый салат, и тот мгновенно вскочил, как солдат при виде генерала, разве только каблуками не щелкнул.

– Добрый день, Аллочка! Несказанно рад тебя видеть! Заказать шампанского?

– Я за рулем, Игорь Викторович, – повернула к его столику мэр. – Да и с какой стати вдруг шампанское?

– Я так слышал, федеральный бюджет деньги на дорожное строительство все-таки перевел.

– А-а… Вот вы о чем! Разумеется, я в курсе. У нас тендер, все согласно букве госзаказа и бюджета, комар носа не подточит! Так что новость приятная… Но чего мне все это стоило, оно ведь никому не видно! Все только бюджетом интересуются, а не тем, откуда что берется.

– Ценят, весьма ценят и понимают, Аллочка! – Игорь Викторович суетливо вскочил, отодвинул стул для дамы, а когда она собралась занять свое место, подвинул его обратно, дабы ей удобнее было садиться. – Тендер ведь еще не закрыт, правильно?

– Четыре заявки уже есть. Значит, все состоится, можете не сомневаться…

Для Варнака, уже почти год как свыкшегося с волчьим нюхом и слухом, было даже странно, что более никто из посетителей заведения, никто из официанток и прохожих за окном не замечал столь занятной, ведущейся полушепотом беседы и не интересовался ее подробностями…

– Я знаю, кто там среди соискателей. «Воронеждор», «Мосмостоотряд», «Брянсклидер» и «Трассолизинг», – вернувшись на место, протянул мэру кожаную папку меню Игорь Викторович. – Разве ты не понимаешь, как они работают? Пригонят свои катки и самосвалы, выгрузят вагон лопат с дешевыми таджиками, раскидают асфальт Угорского НПЗ и исчезнут в бездне без единого хвостика! А вот если это буду делать я, то для подсобных работ найму местных жителей, для перевозки горячей смеси заключу договора с теми самосвальщиками, что толкутся у тебя на Рыбной площади возле «Стройтоваров», а от себя добавлю только катки, газовые горелки и прорабов, дабы ничего мимо улиц не уходило. И у тебя в городе, Аллочка, на целых полгода появятся две сотни новых, причем хорошо оплачиваемых, рабочих мест! А если кто себя хорошо покажет, того и на постоянную работу оставлю: мы пока без заказов не сидим.

И само собой, каждый будет знать, что рабочие места получены по твоему категорическому требованию! О чем через два года, перед выборами, вполне можно будет избирателю и напомнить.

– Очень хорошее предложение, Игорь Викторович, – величаво кивнула Алла Альбертовна. – Думаю, если бы вы изложили все это в заявке на тендер, то имели бы весьма хорошие…

– Алла, вот только не нужно пускать передо мной туман! – внезапно разозлился мужчина. – А то я не знаю, как все это делается! Плевать всем проверяющим, чего там сопутствующего в заявке написано. Всех интересует только ценник. Кто меньше написал, тому и приз в тендере. Но ведь ты, милая девочка, должна понимать, что двести рабочих мест жителям твоего города и двести рабочих мест таджикам из Узбекистана – это две большие разницы!

– А еще есть налоговая дисциплина, Игорь Викторович, и бюджетная, кстати, тоже… – Госпожа мэр при виде официантки захлопнула меню и кратко бросила: – Бизнес-ланч!

– Я знаю, Алла, я все знаю! Именно поэтому мы здесь с тобой и разговариваем. Все заявки на тендер лежат в твоем кабинете, и через две недели вскрывать их будешь именно ты. С некоторой долей аккуратности ты можешь взглянуть на суммы прямо сегодня. И тогда я подам заявку на сумму на десять тысяч меньше минимальной. При этом ни один проверяющий не сможет придраться к ходу тендера, твой Корзов получит двести рабочих мест сезонно, и… я могу пообещать к этому еще тридцать мест постоянной занятости! Для жителей города разумеется. Ты же понимаешь, никакой московский стройтрест этим заморачиваться не станет! У них свои бригады. Привезут, увезут – и адью! И бюджетные денежки уедут вместе с ними.

– Интересно, за счет чего вы сможете заасфальтировать улицы дешевле москвичей, Игорь Викторович?

– Это же строительство, Аллочка! – широко улыбнулся мужчина. – Никто и никогда в жизни не сможет угадать, сколько машин песка засыпано в подушку, триста восемьдесят или триста шестьдесят. Сколько самосвалов щебня потрачено на отсыпку и сколько асфальта ушло на облагораживание подъездных путей. Десять тысяч – это всего лишь один КамАЗ песка с доставкой. Что это такое на фоне трехсот тысяч квадратных метров полотна?! И заметь, москвичи все сделают точно так же! Но с них ты потом спросить не сможешь, а я здесь, рядом. Спроси отца, разве я его когда-нибудь подводил?

– Гладко стелете, Игорь Викторович. А вскрытие заявок до начала заседания комиссии – это, между прочим… – Мэр предпочла не договаривать, но Варнак мысленно закончил за нее: «Это чистая уголовная статья. Простым выговором не отделаться!»

– Двести тысяч, – отвел глаза в сторону мужчина.

– Долларов.

– Аллочка! – вскинулся он.

– Заявки на мне, комиссия на мне, – стала загибать пальцы женщина, – ревизии на стройку на мне, приемка работ на мне. И если вы что-то напортачите, это тоже непременно повесят на меня. Я отвечаю за все, а вы всего лишь добропорядочный исполнитель, умеющий хорошо считать КамАЗы.

– Двадцать, – изменил свое мнение Игорь Викторович.

– Пятьдесят, и ваша фирма облагородит за свой счет городской пляж. Песочек там, кабинки, чистка диких джунглей, которые выросли на его месте.

– Да там ручей воробью по колено в три метра шириной!

– У вас что, экскаваторов нет в конторе? Полдня работы – и у людей опять появится место, где можно отдохнуть в жару. Если хотите, то поставьте табличку, что это дар вашей фирмы нашему городу.

– Если с пляжем, то тридцать, – смирился Игорь Викторович. – Больше уже не могу! Себе в убыток такая благотворительность выйдет.

– Ладно, только ради вашей дружбы с отцом. Рискну. До конца дня перезвоню. А то как бы вы еще и со сроками подачи заявок не опоздали.

– Рад был тебя увидеть, Аллочка, – поднялся довольный мужчина. – Папе привет передавай!

– Татьяне Михайловне от меня тоже поклон.

– Девушка! – махнул официантке Игорь Викторович: – Мне пора! Все вместе посчитайте, пожалуйста.

«Попалась!» – отвернул лицо к окну довольный собой Варнак.

И если разговор он слышал просто ушами, то манипуляции мэра с документами уже совершенно точно попадут регистратору под запись! Супротив такого «Аллочке» будет уже не выкрутиться.

Статья!

* * *

Первая леди Корзова больше всего, похоже, любила зеленый цвет. Ибо крыша ее коттеджа была крыта бирюзовой битумной черепицей, ворота покрашены краской с салатовым оттенком, да и кроссовер «ауди», в котором она разъезжала, имел цвет темного лесного ельника.

Открыв магнитным ключом ворота, хозяйка медленно въехала во дворик, мощенный старой истертой плиткой, остановилась возле уже отцветшего куста бульденежа, взбежала по трем ступенькам, набрала на кодовом замке пароль, вошла в дом, с видимым облегчением скинула туфли, стянула колготки и зашагала дальше босиком… Резко остановилась, прислушиваясь, повернула влево:

– Юля, это ты?

Но в ее кабинете за экраном монитора сидел совершенно незнакомый молодой человек, на вид немногим моложе тридцати, гладко выбритый, коротко стриженный, в камуфляжной куртке и штанах.

Он повернулся на звук шагов, чуть привстал.

– Прошу простить за внезапное вторжение, Алла Альбертовна, – виновато улыбнулся гость, – но записаться к вам на прием есть миссия совершенно невыполнимая! А поговорить хотелось бы.

– Ты, турист заезжий, похоже, боевиков с Траволтой пересмотрел, коли в чужой дом так нагло вламываешься! – подошла ближе хозяйка и пальцем ноги нажала кнопку выключения на сетевом фильтре. Из-под стола тут же тревожно запищал источник бесперебойного питания. – Ну-ка, подпрыгнул быстренько и бегом отсюда! Даю минуту, не то все ноги переломаю, дабы не забредали куда не следует.

– Ах, Алла Альбертовна, – поднимаясь, покачал головой Варнак. – Не стоит так сразу угрожать человеку, о котором вы совершенно ничего не знаете.

– Двадцать секунд прошло.

– Н-да, тогда придется сразу перейти к делу… – Еремей включил фильтр обратно, повернул монитор к мэру, запустил встроенный проигрыватель. – Полюбуйтесь на эту картинку. Узнаете, кто это просматривает запечатанные заявки тендера? Ну и дабы не тратить время на все кино целиком, скажу сразу, что сведения о минимальной ставке тендера были переданы за вознаграждение в размере тридцати тысяч долларов второму участнику коррупционной схемы. За что вам обоим и полагается еще одно вознаграждение. Этак примерно по пять лет каждому!

– Время! – подвела итог женщина, отступила к стене, включила полный свет и вытянула из кармана телефон.

– Не думаю, что вызывать полицию в ваших интересах, Алла Альбертовна! – доброжелательно улыбнулся Еремей. – Ведь меня заберут вместе с этим крайне интересным кино.

– Ты явно не понимаешь, турист, с кем решил поиграть! – голосом Снежной королевы ответила госпожа мэр. – Это мой город, и здесь я не прячусь ни за чьи спины! Здесь полиция ходит на поклон ко мне, выпрашивая стройматериалы и жилье, а не я нуждаюсь в их помощи из-за полоумной букашки, научившейся лазить в окна. Мой дом – это неприкосновенное место! Если кто-то узнает, что сюда можно безнаказанно забраться и уцелеть, это повредит моему имиджу.

Телефон сухо щелкнул, оказывается, женщина всего лишь сфотографировала «букашку».

– Думаете, историю удастся замять? Полиция, судьи и прокуратура прикормлены? – Варнак покачал головой. – Я скину эти файлы совсем в другое ведомство и совсем в другом месте… – Он достал визитку полковника Широкова и протянул хозяйке. – Можете позвонить и пожаловаться на произвол их сотрудника. Уверяю вас, Алла Альбертовна, данная контора не станет заморачиваться вопросами подчиненности и территориальной принадлежности, когда есть возможность добавить галочку в графе раскрываемости! Борьба с коррупцией ныне в большой моде.

– Мой маленький дурачок! – первая леди города упала на диван и вальяжно на нем развалилась. – Мне глубоко плевать, какую крышу ты себе организовал и как способен напакостить! Если бы ты хотел это сделать, то уже мчался бы к хозяину, задравши хвост. Но ты пришел сюда! Ты не хочешь меня сдавать, ты хочешь меня шантажировать. Я тебе нужна на свободе, живой, богатой и здоровой. А вот ты мне – нет! Ибо шантажисты – это такая мерзость, которой достаточно дать хоть одну маленькую копейку, и они потом будут, как клопы, сосать кровь до бесконечности. Шантажистов нужно давить! Сразу, без промедления. Или думаешь, ты первый такой кретин в моей биографии? Я занимаюсь политикой половину своей жизни, турист! Ты даже представить себе не можешь, какие угрозы мне довелось выслушать и какую боль перетерпеть. Поэтому беги! Беги как можно дальше и быстрее! Ты еще можешь успеть… Хотя нет, подожди! Если принесешь мне с кухни, из холодильника, бутылку минералки, я подарю тебе два часа форы. Устала, знаешь ли, за день. Ноги гудят!

Для женщины, оказавшейся в большом пустом доме наедине с незнакомцем, который вдвое шире ее в плечах и на голову выше, Алла Альбертовна держалась не просто достойно. Она оставалась королевой, несмотря ни на что! И это внушало уважение.

– Одну минуту, королева! – Выдернув из порта компьютера флешку с видео и спрятав ее в карман, Варнак сходил на ту половину дома, где, по евростандартной моде, в большущем зале была сделана просторная трапезная с барными стойками, широкими мраморными панелями и массой хромированных механизмов непонятного для бывшего спецназовца назначения. Однако холодильник он определить сумел, достал из него бутылку газировки с запахом лимона. От стойки принес большой фужер, вытряхнул в него немного льда, залил водой почти до краев, вернулся к дивану и, опустившись на колено, протянул бокал даме.

Хозяйка хмыкнула, пригубила, фыркнула:

– Ух, какой холодный! – Она отпила еще несколько больших глотков, откинулась на спинку, посмотрела на гостя через поднимающиеся пузырьки. – Пожалуй, турист, ты не столь хамоват и вульгарен, нежели предыдущие клопы. Покой, холодная вода и мягкий диван были моей величайшей мечтой за последние три часа! Ты подарил мне три секунды рая. Так и быть, золотая рыбка. Если ты немедленно сотрешь все, что есть у тебя на карте памяти, и поклянешься мне своими непереломанными ногами, что никаких копий больше нигде не сохранилось, я тебя прощу!

Воистину, своим хладнокровием и бесстрашием эта женщина была достойна восхищения!

– Есть одна закавыка, Алла Альбертовна, – с сожалением вздохнул Еремей. – Четыре месяца назад вы утвердили перспективный план развития района, в котором запланировано строительство Верхнекорзовского водохранилища при реконструкции трассы Могильное – Шишкари.

– О господи, опять про генпланы! – застонала госпожа мэр, закатывая глаза. – А ведь ты уже начал казаться мне милым парнем.

– Вы помните этот проект?

– Да-да, помню! Там финансирование идет из федерального центра на восемьдесят процентов, двадцать наши, начало работ запланировано на 2014-й. И чего ты хочешь? Долю? Заказ? Подряды?

– Двести восемьдесят гектаров водного зеркала! Будет затоплено сто двадцать гектаров соснового леса, столько же пахотных земель, сорок га пастбищных земель и, помимо этого, будет заболочено семьдесят гектаров сельхозугодий. Просто заболочено! Уровень воды станет слишком высоким для их обработки, но низким для любой иной деятельности: рыбоводства, туризма, отдыха.

– Выражайся конкретнее, что тебе нужно?

– Я хочу спасти лес! И остальные земли тоже. Откажитесь от строительства плотины, Алла Альбертовна! Для поездок из деревни в деревню хватит и обычного моста.

– Ты хочешь сказать, весь этот цирк с вымогательством ты затеял, чтобы я не строила плотину? – подняла голову женщина. – Денег и контрактов ты выцыганивать не собираешься?

– Именно! Я защищаю интересы леса. Деньги меня не интересуют.

– Мало того что ты шантажист, так ты еще и идиот! – вздохнула хозяйка. – Все вы, «зеленые», умом тронуты. Никогда не знаешь, что в следующую минуту выкинете и требовать захотите. Свалки делать нельзя – они природу загрязняют, мусор сжигать нельзя – дым воздух пачкает, перерабатывать тоже нельзя – отходы токсичные остаются. Что же мне теперь, помойки в городе оставлять, пока все на улицах от смрада не повесятся? По-моему, вы хотите, чтобы люди сдохли все до единого! Зажарить нас живьем готовы, лишь бы травку вашу никто не потоптал!

– Если траву не потопчут люди, ее все равно сожрут кролики, – ответил Еремей. – Я не про мусор говорю, я хочу лес от затопления уберечь.

– Кому палец в рот положишь, тот всю руку отгрызет, – снова отпила минералки Алла Альбертовна. – Ты опять испортил мне настроение, турист, своими разговорами! А ведь так хорошо начиналось… Но я человек слова. Раз пообещала – сделаю. Ты можешь оставить карту со своим видео, и я тебя прощу. И даже позволю остаться в городе. Думай быстрее, считаю до трех. Раз, два, три. Что решил?

– Вы меняете проект, отказываетесь от строительства водохранилища и называете мне имена экспертов, давших ложное экологическое заключение. Я проведу с ними воспитательную работу. И тогда никто не узнает о вашем преступлении, Алла Альбертовна. Сколько там осталось времени до даты тендера? Думаю, я зайду за ответом через пять дней. Дабы успеть с треском отменить результаты сразу после их оглашения, если вы окажетесь слишком упрямы. Мэры приходят и уходят. Найду общий язык со следующим. После того как этого посадят.

– Ответ неверный, турист. А жаль! – Женщина отпила еще немного воды. – Боюсь, очень скоро ты проснешься на дне реки с кирпичом на шее и переломанными ногами. Но два часа форы я тебе дарю. Убирайся!

В садоводство Варнак вернулся уже в сумерках. Замаскировал мотоцикл в кустарнике возле заброшенного участка на соседней линии и, оставив его под присмотром Вывея, прошел до ашрама через центральный проезд, старательно прислушиваясь и принюхиваясь к происходящему вокруг.

Угрозы госпожи мэра он принял вполне серьезно. Еремей хорошо понимал, что руководителю города и района, если он смог добиться спокойствия на своей территории, приходилось

иметь дело не только с лозунгами и парадами, но и с изнанкой общества во всей ее мерзости. И потому связи у Аллы Альбертовны наверняка имелись не только в полиции и прокуратуре.

Однако никого из посторонних на улочках между дачами не появилось. Равно как и из местных. Между опустевшими в будни домиками царила полная тишина. Лишь расползались по сторонам сладкие ароматы зреющих абрикосов и груш и горьковатые – от куч сорняков, преющих в компостных кучах.

Успокоившись, Варнак свернул к ашраму, поднялся по ступеням, толкнул дверь.

– Смотрите, кто пришел! – издала восторженный вопль полынная «конопушка» и первой кинулась ему на шею.

Стоило ей разжать объятия, как Еремея радостно обнял Нирдыш, потом Ирина, мальчик-переросток, имени которого Варнак все еще не знал, и его беременная подружка.

Еремей ощутил себя Одиссеем, наконец-то вернувшимся домой после долгих странствий. Путником, по которому искренне соскучилась вся его немалая семья.

Последней была Галина Константиновна, которая тоже обхватила его руками и коснулась губами щеки:

– Я рада увидеть тебя снова, Рома. Это приятно, что ты вернулся.

– Как я мог не прийти туда, где меня так ждут? – ответил Варнак и расстегнул карман. – Вот квитанция, я заплатил.

– Не нужно! Я верю тебе без бумажек.

– Знаю. Но если придут электрики, квитанцию им желательно все же показать.

Старшая кивнула, забрала квиток и предупредила:

– Сегодня мандала. Будь готов!

Что это означало, Варнак не понял, но спрашивать поленился. Обошел дом в поисках Тоши, но девушка отсутствовала. Все остальные оживленно обсуждали два каких-то зеленых брелока с арабской вязью. Еремей еще от дверей услышал, что это защитные обереги от демонов, привезенные из самого Ирана.

Однако «лешего» ужасы от появления ифритов, джиннов и бесов ничуть не заинтересовали: его разум был уже отравлен первой библейской заповедью, стараниями монаха ордена Экклезиаста прочно засевшей в мозгах, и уроками Зоримиры, вполне внятно разъяснившей, какие существа каких символов и почему опасаются.

Он заглянул на кухню, обратил внимание на пустое место под столом, развернулся и вышел из дома.

Примерно через полчаса Еремей вернулся с хворостом, и на этот раз судьба одарила Варнака подарком. Маалоктоша, увидев молодого человека с далекой веранды, отдала брелок Нирдышу, быстро пересекла дом, обняла, чмокнула в щеку.

– Как я рада тебя видеть, Рома! Воистину, судьба награждает каждого тем, чего он желает больше всего! Ты нуждался в нас, я нуждалась в тебе. И карма свела нас именно тогда, когда это было важно обоим! Теперь ты с нами.

– Ты нуждалась во мне? – ответил вопросом Варнак.

– Конечно. Давай помогу! – Девушка забрала часть хвороста, отнесла на кухню и запихала под стол. – Ты видел талисманы Нирдыша? Какая от них исходит энергетика, это просто потрясающе!

– Тоша, они же помогают только от ифритов! Когда ты последний раз встречала демона песков в своей жизни?

– Судьба, посылая испытание, всегда посылает и силу для его преодоления. Когда мне понадобился мужчина, она послала тебя. Помнишь? Раз она одарила нас амулетами, то вполне может появиться и ифрит… – Девушка рассмеялась, снова обняла Варнака, крепко прижалась, поцеловала и доверчиво шепнула: – Я люблю тебя, Рома!

И тут же убежала, оставив Варнака остывать после прокатившейся по телу горячей волны. Ибо услышанные слова не могли оставить его равнодушным.

Вот только он уже успел понять, что в ашраме все любили всех и вкладывали в эти слова совсем другой смысл, нежели прочее человечество.

– Рома, ты такой грустный… – остановилась рядом «конопушка». – Отчего? Ты не рад нас видеть?

– Ерунда… Просто взгрустнулось…

– Не грусти! – Юля взяла его за руку. – Я люблю тебя, Рома, мне больно видеть тебя таким!

Однако от ее слов никакой горячей волны Варнак не ощутил.

– Хочешь, я скажу учительнице и мы проведем над тобой обряд очищения?

– Я люблю тебя, Юля! – сделав над собой усилие, произнес ритуальные слова ашрама Еремей. – Когда ты рядом, мне всегда легче.

– Вот и здорово! – «Конопушка» кинулась к нему, обняла и убежала дальше. И почти сразу послышался колокольчик, созывающий всех на медитацию.

Мандала оказалась больше похожей на физзарядку, чем на духовную практику: сначала бег с высоким подниманием коленей, потом раскачивание всем телом и, наконец, релаксация на спине с открытым ртом. Галина Константиновна говорила что-то о впитывании энергии природы и подражании травам и деревьям, но Еремей просто встряхнулся, а потом расслабился, готовясь к отдыху после долгого дня. Потом он соединился с остальными в общий круг, напился чаю и пошел наверх, снова устроившись возле девушки.

– Тоша, – тихо предложил он. – Может, не стоит полагаться на судьбу? Может, мне просто встречать тебя вечером и провожать?

– Если так будет предназначено кармой, – прошептала она, – мы получим знак. Все предначертано, Рома! Все давно предначертано. Нужно научиться видеть знаки, следовать чувству, а не разуму, и тогда ты поймешь это сам.

Новый день Варнак потратил на то, чтобы уточнить, кто таков Игорь Викторович и чем занимается.

После первых же вопросов дорожным рабочим, меняющим люки на улицах, прояснилось, что Игорь Викторович Крамлер является владельцем областной дорожно-строительной фирмы. Конторы в регионе единственной, а потому успешной и процветающей. Теперь Еремей прекрасно понимал почему.

Вернулся он в ашрам еще засветло, часов в пять вечера, и оказался встречен с восторгом и радостью, к которым так и не смог привыкнуть, его тискали, обнимали, целовали… И хотя разумом «леший» понимал, что так здесь относятся ко всем, даже ритуальная всеобщая любовь была Варнаку очень и очень приятна.

– Я сосисок пять кило привез, – выложил он полиэтиленовый пакет. – Можем нормально пообедать.

– Послушники ашрама не едят мяса, – покачала головой Галина Константиновна. – Это плоть убитых животных.

– Не беспокойтесь, я первый сорт в магазине попросил! Там только соя, туалетная бумага и ароматизаторы. Мясо в такие продукты не кладут.

– Я не шучу, брат мой!

– Так и я тоже, Галина Константиновна!

Женщина немного подумала, кивнула:

– Нирдыш, отнеси подарок на кухню. Юля, вскипяти, пожалуйста, воды. Мне хочется зеленого чая. Рома, идем со мной. Нам нужно поговорить.

Варнак вошел в келью старшей ашрама следом за ней, прикрыл за собой дверь. Обстановка здесь была спартанская: вытертая кошма, платяной шкаф и стопка лазерных дисков,

сложенных на краю подоконника. Галина Константиновна указала на пол, уселась возле подоконника сама, старательно поджав ноги. Подождала, пока Еремей опустится рядом, протянула руку, коснулась его колена:

– Я знаю, Рома, ты хороший. Будда учит нас, что добро есть в каждом человеке. Он учит, что богов нет вовсе. Он говорит, что все боги – это всего лишь люди, достигшие совершенства! Твоя карма привела тебя в ашрам потому, что для тебя настал час очистить свою душу и тело, обрести гармонию с миром, со вселенной, найти свою точку покоя и совершенства.

– Я помню. Все предначертано. И если для меня настал час познания, судьба приведет меня к учителю, – повторил Еремей ночные слова Маалоктоши.

– И раз твоя карма избрала для тебя меня, я расскажу тебе самое главное, – кивнула Галина Константиновна. – Несколько лет назад я преподавала математику в Институте точной механики и оптики и готовилась защитить докторскую. Тогда-то мне и довелось попасть в больницу из-за пустячного, как тогда показалось, недомогания. После проведения полного обследования мне сказали, что через три месяца я умру. Из-за опухоли. Маленькой опухоли, которая растет где-то в печени и которую нельзя извлечь из-за опасности повреждения кровеносных сосудов. Их там очень много, в этой самой печени. И мне пришлось думать не о диссертации, а о том, как я проведу крохотный остаток своей жизни! Первое, что я сделала, – это попрощалась со всеми своими друзьями и родственниками. Я поняла, как люблю их, и сказала им об этом. И после этого я обрела покой. Я перестала бояться смерти. И только тогда я стала понимать важность и истинный смысл учения величайшего в истории человека, мудрого наставника и просветителя Гаутамы Шакьямуни[3]. Я обрела гармонию и с тех самых пор учу искусству гармонии других.

– Несколько лет? – на всякий случай уточнил Еремей.

– Я больше не посещала клиники, Рома, и не знаю, больна или нет. Но, как видишь, я все еще жива! Моя карма ясно указала мне путь, которым надлежит следовать, и с тех пор я несу людям свет истины. Пока я исполняю то, что предначертано гармонией мироздания, оно сохраняет мне жизнь. Разве это не ясный ответ всем сомнениям?

– Гармония? – не удержался Варнак. – В ашраме восемь человек, и никто из них не пытается что-то созидать, работать, учиться! Они только медитируют и спят. Спят и медитируют. Ни семей, ни детей, ни достижений, ни планов на будущее. Иногда мне кажется, что высшая их мечта, так это чтобы их замуровали в маленьких пещерках и оставили в покое! Немного дармовой еды каждый день – вот и весь предел их жизненных мечтаний. Ни о чем не думать, ни о чем не беспокоиться, ничего не делать, ни о чем не говорить, ничего не ждать. Это и есть гармония?

– Состояние самадхи есть высшая цель совершенства для каждого человека, вставшего на путь духовного развития! – согласно сообщила Галина Константиновна. – Точка абсолютного покоя. Когда ты сливаешься с окружающей вселенной в единое целое, и между нею и тобой нет уже больше никакого разделения.

– Но чем же тогда эта жизнь отличается от смерти?

– Ничем! Ты еще жив, но ты уже мертв, и, будучи мертвым, ты все равно остаешься живым. Для человека, достигшего совершенства, смерти не существует. Он вечен! И он пребывает в полном покое и гармонии.

– Умереть при жизни, чтобы избавиться от страха смерти?

– Ты забываешь о самом главном, Рома! Достигший совершенства и гармонии просветленный погружается в нирвану. Он испытывает состояние недостижимого для простых смертных счастья. И остается в этом состоянии вечно. Увы, друг мой, очень трудно говорить на языке людей о понятиях, для которых в речи нет даже названий, ибо в миру эти ценности и радости

[3] Гаутама Шакьямуни – одно из имен Будды.

не существуют. Чтобы ты понял, ради чего необходим духовный труд, ты должен коснуться нирваны хотя бы краешком сознания. Готов ли ты к этому подвигу?

– Отчего не попробовать? – пожал плечами Варнак.

– Но первое, что ты должен сделать, – это освободить свое сознание от всего негатива, от зла, от любой недоброжелательности. Достичь нирваны способен лишь тот, кто чист душой и телом! Ты не должен желать смерти или боли никому на этом свете.

– Я и не желаю.

– Неправда. Чтобы есть мясо, нужно убивать живых существ.

– Намекаете на сосиски? Так там одна соя и ничего более!

– Суть не в мясе, Рома! Суть в твоих мыслях и желаниях! Ты ступил на путь духовного развития. Здесь чувства важнее реальности. Ты не должен хотеть мяса! Даже если ты купил поддельное, даже если оно взято не из мертвого животного, но твое чувство, твое желание поглощать именно мясо осталось прежним! Ты должен менять не диету, а избавляться от желания причинять зло. Ты меня понял?

– Да.

– Очень хорошо. Помни об этом, береги свое сознание и душу, не впускай в них черноту. Вечером специально для тебя мы проведем надабраму, чтобы очистить тебя и поделиться своей энергией. Тебе сразу станет легче.

Надабрама состояла в том, что во время медитации Варнак стоял в центре комнаты, исполняя свою сольную «кундалини», стряхивая негатив тела и сознания, в то время как все остальные крутились, втягивая энергию окружающей природы, воздуха и земли, пропуская ее через себя, очищая и передавая Еремею, напитывая его свежестью и чистотой. Мелодия все убыстрялась и убыстрялась, одновременно нарастая, пока вдруг не оборвалась, сменившись нежной соловьиной трелью.

И вот тут-то с грохотом и распахнулась дверь!

В ашрам вломились сразу трое мужиков, воняющих брусникой, потом и перегаром, одетых в грязные спецовки, с напяленными на головы рваными колготками. Однако при всем своем помойном виде они имели ружье – охотничью двустволку. И это было серьезно.

Вывей поднял голову от заячьего следа, сорвался с места и во весь опор помчался к садоводству.

Но мохнатая часть «лешего» была еще очень-очень далеко.

– Допры-ы-ыгались?! – Вооруженный бандит пнул ногой проигрыватель, но тот не замолчал, и мужчина ударом приклада выбил вилку из розетки. – Деньги гоните! Быстро!

Второй схватил за ворот водолазки Ирину, поджав ее подбородок ножом, третий притиснул к стене Нирдыша, так сильно вдавив нож в его живот, что показалось – лезвие наполовину вошло в тело.

Варнак замер. Он мог прямо сейчас, на месте, убить любого из троих, но пока будешь разбираться с одним, другие неизбежно успеют наделать беды.

Да еще два ствола с непонятными патронами!

Ружье могло быть и муляжом, подобранным на свалке мусором. А могло иметь внутри заряды картечи. Рисковать при таком раскладе не стоило.

Будь «леший» один, ему не угрожало бы ничего. Но в сложившейся ситуации никак не получалось уничтожить гостей без крови. Они неизбежно поранят не меньше двух сектантов!

– Не нужно кричать и пугать, – сложила ладони перед грудью Галина Константиновна. – Вы вошли в дом веры и любви. Это место покоя, а не зла. Вы можете найти здесь радость и счастье. Отпус…

Речь старшей прервал удар приклада по лицу:

– Деньги, дура!

– Да откуда здесь деньги, люди?! – в отчаянии выкрикнул патлатый мальчик-переросток. – Оглянитесь! Этот дом похож на богатое жилье?

Вывей уже приближался к крайним участкам садоводства, но был все еще слишком далеко. Безнадежно далеко! И к тому же начал уставать от долгого бега.

– Не езди по ушам, баклан! – Бандит у стены прижал Нирдыша локтем в горло. – Знаем мы, что в сектах бабок всегда навалом! Вы своим кретинам мозги промываете, они вам все свои ценности несут и квартиры на вас переписывают.

– Мы ищем истину, а не деньги, – Галина Константиновна отняла ото рта залитые кровью ладони. – Это дом любви и гармонии, а не корысти!

– Так… Нас считают за лохов, – приплясывая, повел стволом первый. – Пока пару уродов не шлепнем, не дойдет.

Похоже, он был изрядно под кайфом. Или безумно трусил от затеянной авантюры и мог сорваться на глупость в любую секунду.

– Хорошо, я отдам деньги, – подняв руки, сказал Варнак. – Касса секты у меня. Но только помните, смертные: каждому творящему воздастся втрое! Посему творить лучше добро. Ибо творящему зло воздастся злом.

– Заткни хайло и гони бабло! – бандит тут же навел ружье на него.

– Даю, они в кармане куртки… – Еремей медленно, дабы не напугать нервного гостя, пробрался к вешалке, сунул руку в нагрудный карман и выгреб мелочь, отложенную на насущные расходы. Подровнял купюры, пролистал и положил на пол. – Имейте в виду, это деньги ашрама! На каждого, кто их коснется, падет проклятие сумеречного зверя! Несчастных будут жрать кусками неведомые твари до тех пор, пока на теле не останется даже малого куска живого мяса. И это будет продолжаться до тех пор, пока вы не вернете взамен украденного втрое больше!

– Ой как страшно! – Вонючий грабитель, не медля, схватил добычу. – Чё так мало?

– Мы же не лавочники, зачем нам наличные? – усмехнулся Варнак. – Хотите еще – поехали в банк, сниму со счета. И заметь, ты коснулся денег! Теперь все: договор со смертью заключен! Ты взял на себя проклятие. Не забудь поделиться им с друзьями. Одному тебе будет скучно. Трогайте деньги все, трогайте!

– Заткнись! – ствол уперся ему в лоб.

– Там девять тысяч, – сказал Еремей. – Чтобы вернуть втрое, тебе нужно будет двадцать семь.

– Ага, разбежался! – скомкав деньги, грабитель запихал их в карман. – Уходим, мужики… Не бздите, святоши! Мы вас еще навестим!

Незваные гости быстро отступили, пряча ножи, и выскочили за дверь.

Последним ушел тот, что с ружьем.

– Отработанно действуют, – тихо отметил Варнак. – Видать, не в первый раз. И уже получали сковородой по затылку. Галина Константиновна, не знаете, тут на участках грабежи не случались? Не воровство, пока хозяев нет, а такие вот грабежи, настоящие?

– Господи, я чуть не умерла, – охнула беременная с сальными волосами и села на пол.

Ира, вытянув ворот водолазки почти до самого носа, расплакалась. Нирдыш перебежал к ней, обнял, Юля кинулась к старшей.

– Милицию нужно вызывать! – спохватился мальчик-переросток. – О грабеже сообщить!

– Не нужно! – осадил его Варнак. – Я повесил на них проклятие. Все остальное оно сделает само.

– Какое проклятие, Рома?! Это же бандиты! Самые настоящие бандиты! Они нас чуть не убили!

– Они забрали мои деньги, – отрицательно покачал головой Еремей. – Мне и решать! Проклятию я доверяю больше, чем полицейским.

– Оставь, Вертер, он прав, – неожиданно вступилась Галина Константиновна, промокнув кровь платком. – Мы не должны пускать в свои души зла и мстительности. Мы должны сохранять в себе доброту и только ее! Простим их, дети мои. Давайте сядем в круг, возьмемся за руки, вспомним этих несчастных, рожденных горем и темнотой, и простим их. Будем выше этого, будем выше зла и мести. Просветленный обязан нести в своем сердце любовь ко всем и каждому. Легко любить того, кто отвечает тем же. А вы попробуйте возлюбить сердцем тех, кто ненавидит! Сядем в круг, дети. И докажем себе, что мы сильнее любых испытаний! Что гармония сохраняется в наших душах, несмотря ни на что.

Сектанты стали послушно рассаживаться возле лазерного проигрывателя с треснувшим экраном.

Увы, поднять им настроение Варнак не мог. Ведь тогда ему пришлось бы признать, что своей волчьей сутью он уже взял след и, сберегая дыхание, медленно трусит вслед за облаком перегара, перебиваемым только запахами давно не мытого тела.

Грабители ашрама больше походили на обычных бомжей, нежели на уголовников. Ибо последние, прежде чем идти на грабеж, узнают хотя бы примерно, какую им удастся взять добычу. Эти же идиоты решили ограбить законченную голытьбу!

Но след они путали старательно. Бандиты не топали по улицам, а ломились через участки, перелезая заборы, пробираясь малинниками, таясь от далеких прохожих под кронами садов. Проходя мимо свалки, они скинули колготки, запихав их в плесневелую коробку из-под роз, отвернули по тропе, огибающей крайний участок, и вернулись в садоводство на следующей линии, после чего следы стали гуще и внезапно раздвоились. Один, послабее, потянулся вдоль линии, более густой ушел к крытому замшелым шифером дому, ощутимо просевшему в землю и обросшему вокруг густым бурьяном.

«Вот и попались! – подумал Варнак, волчьими лапами обегая дом. – Кому нужны маски, если от вас вонь, как от ассенизаторской повозки?»

– Как они обосрались-то, ты видел? – весело обсуждали хозяева дома. – Аж присели все! Я думал, сейчас струйки потекут!

– А этот, который лупоглазый, ты слышал? «Проклятье, проклятье!» Думал, испугаемся. Бабушкины сказки решил на ночь рассказать.

– Жалко, взяли мало. Сколько там?

– А ты сам посмотри. Чего, страшно, что ли? Проклятия испугался?

– Ничего я не испугался!

– Так возьми и пересчитай.

– Ну и возьму.

– Ну и возьми.

– Ну и возьму.

– Возьми-возьми. – Мужчина заржал: – Что, кишка тонка?

– Да вот тебе, пожалуйста, взял!

Вывей вскинул голову и долго, протяжно завыл. В домике послышался шум и грохот, зазвенело стекло.

– Ты чего, охренел?! Хорошо, пустая. Давай теперь, убирай!

– Едрит налево… Метелка где?

– Хрен его знает? Тряпкой на газету смахни.

– А свет у тебя во дворе есть?

– На хрена тебе свет? Мусорной кучи не найдешь? Или ты этого… «сумеречного зверя» боишься? Не ссы… Слава водяры принесет – взбодришься.

– Достал ты уже этим зверем! У тебя на дворе свалка хуже любого проклятия. Без света все ноги переломаешь.

– Не бухти. На улице фонарь болтается, все там видно, не заблудишься.

– В сортире хотя бы лампочка еще цела?

– К соседям сходи! Им как раз навоз привезли. Наложишь рядом, никто ничего и не заметит! – снова заржал мужчина.

– Да я только столбик помочить…

Шорох из дома показал, что там кто-то одевается.

Вывей, неслышно раздвигая острой мордой траву, побежал к крыльцу, остановился на углу дома.

Хлопнула дверь, мужик в длинном великоватом пальто спустился во двор и, как обещал, направился к воротам, за ними остановился возле столба.

Волк, бесшумно переставляя лапы, подошел сзади.

Он не торопился. У него не было желания убивать, и он не боялся упустить добычу из-за своей медлительности.

– Хорошо живет на свете Винни Пух! – сделав свое дело, повеселел грабитель. – У него жена и дети, он лоп-пух!

Мужик повернулся, увидел перед собой светящиеся в темноте глаза зверя и осекся.

Пахнуло кислятиной: ужас смертного пробил грязь и вместе с потом потек наружу.

Вывей молча оскалился, метнулся вперед и жадно вцепился клыками в правую руку жертвы, не столько потому, что именно ею бандит трогал деньги, сколько подумав о ноже. С порванной кистью враг останется безоружным.

Грабитель заорал от боли и ужаса, шарахнулся назад, врезался головой в столб, потерял равновесие и рухнул на живот. Волк отпустил руку, рванул зубами икру, прыгнул вперед, перехватил жертву за плечо.

– Ерш, ты чего? – вылетел на крыльцо второй бандит. – Ты чего, правда ногу сломал?

Волк поднялся на спине воющего от ужаса мужика, повернулся к первому из проклятых, предупреждающе зарычал и помчался через двор.

Разумеется, Вывей не успел: бандит прыгнул назад, захлопнув дверь, громыхнул засов.

Что будет дальше, Варнак догадывался, и потому волк перемахнул крыльцо, проскочил дальше, свернул за угол и побежал через соседний участок: по рыхлым грядкам клубники, под высокой створкой калитки и дальше за кусты сирени, темнеющие как раз между осветительными столбами.

Когда первый из проклятых выскочил с заряженным ружьем, мохнатая ипостась «лешего» была уже далеко.

– Ерш, ты цел?

– Какое цел?! – прошипел мужчина и перешел на непрерывный многоэтажный мат, означавший, что его чуть не сожрали и ему очень плохо.

– Держись, я сейчас… – Бандит спустился с крыльца. То и дело оглядываясь, он добрался до друга, закинул оружие на плечо, наклонился, помог подельнику встать, потянул к дому и вдруг застыл: – Вот, ё-о-о… Слава! Сла-а-ава!

Главный грабитель предупреждающе замахал появившемуся в конце линии третьему проклятому, посланному за водкой. Тот смысла криков не понял и только весело помахал в ответ.

В этот момент Вывей и вышел из-за сирени, загородив бандиту дорогу. Постоял, давая жертве осознать, что именно происходит, а потом ринулся в атаку.

Первый вскинул было ружье, и тут же опустил, едва не заскулив от бессилия!

Его друг и зверюга находились на одной линии. Стоит нажать спусковой крючок – картечь снесет обоих.

Слава все понял, уронил пакет и ринулся бежать. Но куда там – смертному от волка!

Через считаные секунды Вывей взметнулся в прыжке, легко клацнул клыками по загривку, а когда от толчка тяжелого тела проклятый повалился вперед, выставив перед собой

руки, волк толкнулся дальше, вцепившись именно в них! Крутанулся, злобно рыча, хватанул жертву клыками за ухо, за ногу. Поднял взгляд на набегающего врага с ружьем и отпрянул в сторону, растворяясь в темноте среди душистой смородины.

– Слава, ты жив?! – перевернул подельника первый.

– Кулич? Жека, водки дай! – хрипло попросил тот.

Первый метнулся к пакету, открыл «Столичную», хлебнул сам, передал другу. Тот сделал несколько больших глотков, перевел дыхание и попросил:

– Женя, скажи, что я сплю…

– Вставай, Слава! Давай домой скорее. Там разберемся…

Из далекого двора снова послышался душераздирающий вопль Ерша, и Кулич взмолился:

– Слава, идем!

Тот поднялся, заспешил, то ли хромая, то ли приволакивая ногу и подкрепляя каждый шаг глотком из бутылки.

– Женя-а-а!!! – орал Ерш от дома. – Женя, он зде-э-эсь!

Первый из проклятых забежал чуть вперед, выглянул через забор, держа наготове ружье.

– Почему ты не в доме?

– Не успел! Появилась эта тварь и стала меня жрать! Ты понимаешь, жрать! Живьем! Вцеплялась и жевала!

– Где она?

– Не знаю-у-у-у!!!

Вывей, сев за сараем, вскинул морду и протяжно, с наслаждением завыл.

Бандиты вздрогнули, первый перехватил ружье двумя руками, но перед соблазном кинуться на звук устоял – помог Славе зайти во двор, затащил в дом Ерша, захлопнул дверь и запер ее на засов.

Варнак ухмыльнулся, поднялся, разорвав молчаливый общий круг:

– Извините, ребята! Мне нужно ненадолго выйти.

В семи линиях от ашрама в доме тихонько заскулил Ерш:

– Господи, зачем мы это сделали? Зачем?! Ведь решили же в своем садоводстве никого не трогать! Теперь мы прокляты. Теперь нас всех сожрет эта тварь.

– Не ссы, Рыбкин, – громко ответил Женя, обходя комнаты. – Это всего лишь собака! Обычная мохнатая скотина. Я эту дворнягу пристрелю и сделаю из шкуры новый коврик.

– Собаки такими не бывают, Кулич! Они не кидаются на людей и не жрут их раз за разом. Это проклятие, это все проклятие! Отдай им эти чертовы деньги, Жень. Прошу тебя, отдай! Мы все здесь сдохнем, Женя! Отдай. Отдай, пусть снимут это свое дерьмовое проклятие!

– Хрен им, а не деньги! Как рассветет, я эту долбаную псину прибью, как клопа на стенке. Просто сейчас темно и не видно, где она бегает!

Вывей уселся на углу, снова завыл.

Кулич подскочил к окну, попытался выглянуть, вернулся к Славе, вырвал у него бутылку:

– Другим оставь, и так половину вылакал!

– Надо раны этим полить, – вдруг решил его друг. – Чтобы не загноились.

– Водой сперва сполосни! – грубо ответил Кулич. – Может, тебе еще ванну с шампанским сделать?

Из-за стены снова послышался протяжный вой, а потом весь дом содрогнулся от тяжелого удара – с потолка и люстры даже посыпалась застарелая пыль. Потом снова и снова. Женя едва не поперхнулся водкой, снова схватился за ружье:

– Что за дятел?!

Входная дверь опять задрожала. Первый из проклятых отставил бутылку, взвел курки, подобрался к засову, медленно его отодвинул и, толкнув дверь, выскочил наружу.

Двор был пуст.

Он повел стволом из стороны в сторону – в ответ послышалось угрожающее рычание от сарая.

Кулич сделал два шага на звук, прикусил губу.

Вроде бы и рядом, но явившаяся из ночи псина оказалась на удивление хитра и расторопна. Кто знает, что там у нее на уме?

Опасаясь оставлять подельников одних, разбойник отступил обратно в светлую уютную прихожую, запер дверь на засов – и услышал звон разбитого стекла.

Бандит ринулся к угловой комнате, а входная дверь тут же содрогнулась от тяжелого удара, словно в нее на всем ходу врезалась машина!

Снаружи уже в который раз донесся голодный звериный вой.

– Это собака дверь ломает, Женя?! – заорал Ерш. – Собака, да?! Отдай им деньги, Жека! Отдай, или мы все тут сдохнем до утра! Пусть снимут это чертово проклятие! Пусть снимут!

За входной дверью тихо, утробно зарычали, и она снова содрогнулась от удара.

Варнак опустил чурбак, одолженный по дороге, вытер со лба пот, снова взял деревяшку в руки и с разбегу врезал ей в косяк чуть ниже петель.

Изнутри что-то подозрительно щелкнуло, и они с волком торопливо разошлись по разные углы домика, пока пьяные уроды не пальнули из ружья сквозь дверь. Над головой ветер призывно запел в проводах. Еремей поднял голову, скользнул взглядом по качающимся на фоне звезд темным ниткам, прошел по ним до угла, примерился и сбил чурбаком пакетник.

В ящике что-то заискрило, окна погасли, из дома послышалась ругань вперемешку с мольбами и стонами.

Вывей зарычал с обратной стороны дома.

Торопливые шаги подсказали, что бандит с ружьем побежал к волку, и потому Варнак, вскинув деревяху, с размаху высадил ближнюю оконную раму – чтобы смертные не чувствовали себя в безопасности даже за запертыми дверьми.

Отбежал в сторону, затаился, дав возможность первому из проклятых выглянуть наружу и ничего не заметить, в то время как волк угрожающе зарычал с другой стороны. А когда грабитель скрылся обратно в темноту проема, «леший» поднялся, перебросил чурбак на плечо и зашагал обратно к ашраму.

Для увеселения «проклятых» теперь вполне хватит и его звериной сущности. К тому же он прекрасно слышал, что происходило в оставшемся за спиной домике.

– Он зде-э-эсь!!! – вдруг заорал Ерш. – Он здесь, я слышу его дыхание!

– Это я, Рыбкин! – ответил Слава. – Хватит голосить, без тебя тошно!

– А если это оборотень? Тогда мы все уже отравлены! Мы тоже станем такими! Будем бегать зверьми и пить кровь.

– Ерш, перестань нести хрень! Какие тут могут быть оборотни? Мы не в кино.

– Ты сам «хрень», Женя! – сорвался на крик Ерш. – Тебя не жрали, как мясо! Тебя не грызли! Тебя ни разу даже не кусили! Посмотрим, как ты завоешь, когда настанет твоя очередь!

Вывей обошел дом, зарычал под выбитым окном, поскребся в дверь, издал протяжный вой, снова громко зарычал, кружа вокруг.

– Это обычная собака, Женя, да?! – опять застонал Ерш. – Это она сторожит нас, как курятину? Она входы сюда ищет, Жека! Женя, отдай! Я умоляю тебя, верни им эти деньги, верни! Пусть все закончится! Верни!

– Да она ушла вроде… – Кулич нашарил бутылку, отпил, осторожно выглянул в выбитое окно.

Тут же с легким шелестом мелькнула в воздухе тень, звонко лязгнули зубы, всего лишь чуть-чуть не достав до его лица.

Проклятый шарахнулся назад, судорожно сглотнул, торопливо запил испуг водкой и широко перекрестился.

– Ты, Женя, главное, не засни! – попросил Слава. – Коли закемаришь, тебя зверюга проклятая сожрет, и нас тоже! Мы, сам видишь, караулить не способны… Только от тебя все зависит… Закроешь глаза – и мы трупы!

– Мы уже трупы! – с подскуливанием отозвался Ерш. – Мы все сдохнем! Она сожрет нас всех. Всех. Господи, за что-о-о?!

– Проклятье! – Кулич пошуршал ладонью по столу, потом отошел к шкафчику, нашел часы, вынес на свет фонаря. – Ёпэрэсэтэ, еще только половина первого! Вся ночь впереди…

– Вот потому она и не торопится, – пояснил Ерш. – У нее времени много. Играется, как котяра с мышами. Жрать будет не торопясь.

– Я отдам! – внезапно заорал в окно первый из проклятых. – Всё, всё, мы сдаемся! Я отдам эти проклятые деньги! Уходи!

Сгребя брошенные на столе купюры, он подступил к двери, отодвинул засов, выглянул, потом медленно, держа наготове ружье, выбрался наружу, пересек двор и вышел на линию.

Вокруг все было тихо до хруста. Лягушки на болотине, и те не перехрюкивались извечной ночной песней, даже комары пропали куда-то все до единого.

Ускорив шаг, Кулич дошел до перекрестка, уже смелее повернул к сектантам – ведь его никто не преследовал и не подгонял.

В ашраме только-только наступило некоторое успокоение, последователи учения любви и доброты пили чай, наделав бутербродов с сосисками и кетчупом. Аргумент насчет сои подействовал практически на всех. Поэтому при подходе проклятого Варнак предпочел тихо выйти в молельный зал, чтобы не случилось новой нервотрепки.

Бандит вежливо стучать так и не научился. Он опять пихнул входную дверь и грубо вломился в дом, хотя на этот раз и был без маски. Увидев одиноко стоящего Еремея, торопливо запихал ему в карман брюк купюры.

– Вот, вот! Забирай к чертям свои деньги и снимай проклятие!

– Я же предупреждал, – покачал головой Варнак, – за зло воздается троекратно. Здесь не хватает еще двадцати тысяч.

– Снимай проклятье, я сказал!!! – заорал Кулич и вскинул ружье, уперев дуло ему под подбородок. – Снимай, или башку отстрелю на хрен!

– Ты кое-что забыл, – ухмыльнулся «леший» и крепко перехватил стволы чуть ниже мушки. – Твое проклятие здесь.

И он указал глазами на дверь, в которую как раз протискивался нахвативший где-то репейников Вывей.

– А-а-а! – бандит зарычал, пытаясь повернуть ружье, но Варнак держал стволы крепко.

Волк оскалился и кинулся вперед. Грабитель рванул оружие в последний раз, но повернуть двустволку так и не смог – бросил ее и метнулся на веранду.

Вывей затормозил, развернулся и не спеша потрусил обратно к двери.

Еремей прошел следом, выпустил волка на улицу, потом сложил ружье пополам, отделил цевье с запором, сунул последний в задний карман, оставшиеся же бесполезные половинки, подойдя к Куличу, повесил тому на шею, а потом похлопал ладонью по груди:

– На сегодня я сумеречного зверя отзываю. Не хочу марать ашрам твоею кровью. Так что иди! До завтра можешь отдохнуть. На сбор денег даю двое суток. Я же не бесчувственный! Понимаю: мгновенно такой суммы не добыть. Поэтому можешь не беспокоиться. Ближайшие два дня и одну ночь зверь к вам не придет.

Полуобняв гостя, «леший» почти дружелюбно проводил его до двери и настойчиво выпихнул в темноту.

Вынул из кармана цевье, покрутил в руках. После короткого колебания забросил на печь. И только после этого обратил внимание на царящую на кухне тишину.

Все члены секты изумленно следили за его небрежными манипуляциями.

– Вот, вернули! – спохватился он, доставая деньги и разглаживая их. – Боюсь только, остальных двадцати тысяч нам не видать. Ханурики, скорее всего, предпочтут на рассвете сдернуть куда подальше и в здешних землях больше уже никогда по гроб жизни не покажутся!

– Рома… Ты кто?! – шепотом спросил Нирдыш.

– Кто я? – Варнак вздохнул, пожал плечами. – Как тебе объяснить? Я тот, против кого не поможет даже самый лучший персидский амулет! Кстати, чай здесь наливают только носителям чистых помыслов или повелителю проклятий тоже дадут небольшую чашечку?

– Ты не боишься никаких амулетов или только персидских? – наивно поинтересовалась Юля.

– Никаких! Я смертный. Такой же, как вы. А амулеты действуют только на вечных созданий. На хранителей, лихоманок, русалок. Ну и еще на кое-кого из этого племени.

– Значит, ты умеешь накладывать проклятия? – переспросил Нирдыш. – Ты повелеваешь духами и демонами?

– Не повелеваю, – отрицательно мотнул головой «леший». – Скорее, дружу с ними. Если не враждую. Поэтому я не самый лучший из соседей. Рядом со мной очень легко влипнуть в неприятную историю!

– Ты хороший, Рома, – «конопушка» вынесла ему из кухни большую чашку чая. – Ты ведь не уйдешь, правда? Учительница научит тебя любить и быть добрым! Она умеет. Она самая лучшая!

– Простите, Галина Константиновна, – принял от Юли угощение Варнак, – но, боюсь, карма привела меня сюда вовсе не затем, о чем мы подумали сначала. Это была мировая гармония в действии. Ваше испытание случилось именно тогда, когда появилось средство его преодолеть. Средство оказалось грубым и жестоким. Увы.

– Ты слишком рано опускаешь руки, брат мой, – ответила старшая, затиснутая в самую глубину кухни, к черному окну с отблесками лампы. – Если ты был нужен нам для спасения, то, может статься, и мы тоже нужны тебе. Нужны для спасения твоей души! Ничего не случается просто так. Если к нам пришел именно ты, а не обычный участковый, значит, это нужно и тебе!

– Боюсь, вы ошибаетесь, Галина Константиновна, – покачал головой Еремей. – Я уже получил свой урок.

– Почему-то все и всегда считают, что я ошибаюсь… – поморщилась старшая. – Так я никогда не получу своего просветления. Расскажи хотя бы ты, в чем мое заблуждение?

– У вас слишком хорошо. Любовь, добро, совершенство. Ваш ашрам напоминает прекрасную цветочную клумбу, распустившуюся под весенним солнцем. Беда в том, что в нашем мире слишком много баранов, которые воспринимают цветы и травы исключительно как еду. И чтобы клумба существовала, рядом с нею должен обитать злобный клыкастый волк, сжирающий баранов, которые идут в цветы топтаться. Гнусный, подлый и безжалостный зверь с руками по локоть в крови!

– Ты хочешь сказать, что мы имеем возможность быть честными и безгрешными только потому, что кто-то другой принимает наши грехи на себя? – мгновенно поняла его основательница ашрама.

– Я хочу сказать, что согласен на эту ношу! Пусть я буду проклят, но пусть рядом со мною расцветают счастье и красота!

– Ты говоришь ужасные вещи.

– Такова цена гармонии. Кто-то должен за гармонию платить.

– Великий учитель был прав, – кивнула старшая. – Добро живет в каждом человеке. И мы должны любить каждого, если только он сам не откажется от нашей любви! Я люблю тебя, повелитель проклятий, и я рада, что ты переступил порог нашего дома!

Галина Константиновна не без труда выбралась из глубины кухоньки, подошла к Варнаку, обняла его, поцеловала и удалилась в свою келью.

Следом к «лешему» подскочил Нирдыш:

– Рома, ты научишь меня накладывать проклятья?

– Легко! Иди и запишись в секцию бокса.

– Зачем? – не понял сектант.

– Чего тут непонятного? Чтобы обрести любовь и доброту, нужно посвящать по десять часов в день безделию и созерцательности. Чтобы накладывать проклятия, нужно по десять часов в день познавать ненависть. Учиться вкладывать ненависть в каждый свой удар! Пять-шесть лет усиленных медитаций – и ты поднимешься до уровня просветленного еще и в моем черном деле. Ты не видел, Тоша не приходила? Вроде поздно уже.

– Наверное, и не придет. В общаге осталась. Она там часто ночует. А ты пробовал медитировать во время бокса?

– Пробовал. Три раза. Называется «нокаут», – ответил Варнак и пробрался мимо Нирдыша в кухню на освободившееся место.

Как он понял, выселять его за «черную магию» никто не собирался, а больше слугу Укрона ничего не беспокоило.

Правда, без волоокой Маалоктоши было, конечно же, скучновато.

– Постой, Рома! – пошел следом Нирдыш. – Ты хочешь сказать, служить злу труднее, чем добру?

– А ты сомневался? Посмотри на Галину Константиновну. Каждый день она собирает вас на медитации, каждый раз она выбирает вам нужные упражнения. Получается, она подчиняет вас своей воле. А значит, совершает насилие. И тем самым творит зло. Когда в ашраме нечего есть, она вынуждает вас работать. И тем самым творит насилие. А насилие – это зло. Именно поэтому, в отличие от вас, она никогда не получит просветления. Она совершает поступки! В этом мире любой созидатель, хочет он этого или нет, творит зло. Даже для того чтобы построить храм, все равно нужно расчистить участок, убрать дерн, выкорчевать корни, срубить лес. И за каждый из этих поступков строителя можно обвинить в злобе и жестокости! Не творит зла лишь тот, кто не делает ничего. А ничего не делать, согласись, куда проще, чем строить, воспитывать и даже повелевать!

– Кажется, в нашем ашраме появился новый учитель, – открылась дверь в келью старшей, – который утверждает, что любая жизнь вообще есть зло.

– А разве вы не говорили то же самое, Галина Константиновна? – возразил Варнак. – Высшая цель духовного развития, указанная вашим учителем, есть состояние самадхи. Которое неотличимо от смерти. Вот и выходит: желаешь любви, добра и гармонии – умри! Умри сам и не мешай умирать другим. Исключительно созидательная философия!

– Пусть так. Но тогда скажи, чему учит твоя школа, повелитель проклятий.

– Честности! Невозможно прожить жизнь, не переступая границы добра и зла. Но можно попытаться сделать за свою жизнь этот мир немного лучше.

– Смертное проклятие как путь постижения любви и гармонии? Нужно будет промедитировать над этим интересным постулатом! Я буду познавать силу проклятий, а ты – постигать искусство достижения нирваны. Посмотрим, что у нас получится. Кто знает, может, именно ради встречи с тобой карма и сохранила мне жизнь до этого дня. Пообщаться с темной стороной мирозданья доводится далеко не всякому! Надеюсь, завтра утром не окажется так, что ты был всего лишь моим ярким сновидением.

Глава 2
Реванш «лешего»

В город из своего святого убежища Варнак скатался со вполне разумной целью – узнать, не всплыла ли история с проклятыми грабителями в местном МВД. Ему совсем не улыбалось попасться на глаза полиции при осмотре места происшествия. Ведь угрозы госпожи мэра никто не отменял, и фото Еремея наверняка уже имелось во всех ориентировках.

История и вправду всплыла – на местном новостном сайте, в разделе юмора. Там сообщалось, что в корзовскую больницу обратились двое бомжей с легкими телесными повреждениями. Несчастные утверждали, что стали жертвой оборотня. Далее уточнялось, что от потерпевших сильно разило алкоголем, а поверхностные ранения у них на коже могло нанести только мелкое существо размером с болонку. Статья так и называлась: «Болонка-вурдалак».

Каким образом волчьи укусы превратились под пером журналиста в баловство болонки, «леший» так и не понял. Но данной метаморфозе только обрадовался.

Из интернет-кафе Еремей перешел в кафе обыкновенное и подкрепился двумя стейками из лосося.

Духовно возвышающей пайки послушника ашрама ему для сытости катастрофически не хватало.

В какой именно момент он попался на глаза излишне любопытным горожанам, Варнак не заметил, но на шоссе, привычно обходя попутные машины, он обратил внимание на синюю, потрепанную жизнью «бомбу», что раз за разом совершала рискованные обгоны, пытаясь удержаться у него на хвосте. Для проверки Еремей чуть сбросил газ, прекратив обгоны, и БМВ тоже остепенилась, удерживаясь в четырех машинах позади.

«Вот ведь лохи, на что рассчитывают?» – мысленно усмехнулся спецназовец, переведя взгляд на сосновый бор по правую руку. Заметив за автобусной остановкой утоптанную тропу, Еремей свернул на нее. Не снижая скорости, мотоциклист легко и уверенно помчался между плотно растущими толстыми деревьями, и две минуты спустя тропа вывела его к деревушке в два десятка домов.

Варнак выехал из нее по проселку, вроде бы идущему в нужном направлении, возле очередной развилки отвернул влево, потом еще раз, миновал какой-то хутор с обширной пасекой и вскоре по другой, не менее узкой, тропе, выскочил обратно на шоссе, но уже несколькими километрами дальше.

«Хотел бы видеть их рожи, когда они застряли возле леса! – пробормотал Еремей, до упора выкручивая правую рукоять. – Боюсь только, к следующему разу эти сыщики запасут какую-нибудь двухколесную тарахтелку. Но будет уже поздно».

До проведения тендера оставалось всего три дня, включая выходные. Значит, уже в понедельник он может отправляться к мэру за ответом. А предыдущие двое суток просто не высовывать носа из ашрама.

Правда, именно последняя задача оказалась наиболее сложной!

В отличие от прочих последователей учения Гаутамы Будды, Варнак не мог часами сидеть на коленях с прикрытыми глазами, полдня кружиться на месте даже под самую красивую мелодию или впитывать энергию солнца раскрытыми ладонями, как какой-то огурец или кабачок. Деятельная натура Еремея требовала приложения сил, а, кроме как заготовить хвороста на месяц вперед и покосить траву на участке в ашраме, делать тут было совершенно нечего!

Даже интерес к искусству накладывания проклятий среди сектантов угас, едва только выяснилось, что овладение темной магией требует не сидячих медитаций, духовного роста и созерцательности, а реальных ежедневных тренировок с физическими нагрузками. Последо-

ватели бывшей математички перед лицом штанги и боксерской груши немедленно приняли сторону ничем не замутненного, рафинированного добра.

– Рома, ты хороший! – «Конопушка» нашла его возле сарайчика, когда-то явно служившего уличным туалетом, а ныне заваленного старыми лейками и ведрами и поверх них под самую крышу забитого хворостом. – Я тебя люблю. Ты сегодня вечером не занят?

– Юля, ты тоже очень хорошая. И я тебя тоже люблю. Конечно нет. Чем?

Полынная девчонка наморщила свой вздернутый носик, переваривая ответ, и недовольно фыркнула:

– Я серьезно спрашиваю, Роман!

– Ты выбери что-нибудь одно, сестра моя по вере! Или Рома, или Еремей, – улыбнулся Варнак. – А то неправильно имя удлиняешь! И да, ты тоже хорошая, и нет, чем я тут могу быть занят? Даже порчу не на кого напустить!

– Я серьезно!

– А я что, шучу? Сама посмотри: тут, кроме тебя, никого нет! А на тебя порчу напускать нельзя. Ведь ты меня любишь и ты хорошая.

– Ты не мог бы сходить сегодня со мной в одно место?

– О-о, шпионские тайны? Можешь на меня положиться!

– Я серьезно спрашиваю!

– А я серьезно отвечаю. Хоть на край света!

– Нет, мне сегодня вечером в Корзов нужно. Мама день рождения отмечает. Нужно появиться хоть ненадолго, а то она обидится. Мы ведь с ней не ссорились.

– Хорошо, я провожу.

– Нет, ты лучше со мной сходи! Пусть все знают, что у меня тоже есть настоящий парень! А то они меня совсем за дурочку считают. Даже лечить пытались. Пришлось от мамы прятаться. Но сейчас успокоились. Смирились, что я такой же быть не хочу.

– Какой?

– Ну… плохой. Кто ничего не делает, а у других отнимает. Пусть увидит, что у меня тоже все как у всех! Настоящий парень есть, и жизнь взрослая. Что я сама по себе, и пусть больше за мной не ходит и не заботится! Что я и сама смогу прожить!

Как раз в последнем Варнак очень сильно сомневался! Уж он-то отлично понимал, что маленькие нежные цветочки, произрастающие в уютном и ухоженном ашраме Галины Константиновны, отгороженные от жизненных невзгод медитациями и хозяйственной находчивостью бывшей преподавательницы, не протянут в реальной жизни и недели!

Максимум, на что они все способны, так это исполнять обязанности привокзальных побирушек!

Но… почему бы и не сделать доброе дело, раз уж оно ему ничего не будет стоить? Показаться на людях рядом с девчонкой, поздравить и успокоить ее родительницу, а потом безопасно и комфортно доставить Юлю назад. Будет хоть какое-то вечернее развлечение.

– Эк ты разгорячилась-то! – улыбнулся он. – Конечно прокатимся! Отчего и не погулять в субботний вечер? Надеюсь, Галина Константиновна на нас за сию вольность не осерчает?

– Ашрам открыт всегда! Мы здесь не на привязи. Если нам нужно уйти, никто этим не попрекнет.

– Воистину, сама судьба привела меня в сие место! Когда едем?

– Наверное, прямо сейчас нужно. Автобус через полчаса подойдет.

– Какой автобус, Юля?! Коли уж пускать пыль в глаза, то пускать по полной программе! Поедем с шиком, на мотоцикле. Я переоденусь парадно, в черную кожу с заклепками, купим самый большой букет, что удастся найти на наших проулках…

– Я серьезно говорю, Рома! – недовольно топнула ногой «конопушка». – Откуда мы возьмем мотоцикл и все остальное?

– И я серьезно, – ухмыльнулся Варнак. – Неужели ты думаешь, что у служителя зла и повелителя проклятий не найдется такой мелочи, как мотоцикл и костюм из толстой черной кожи? Да мне достаточно в ладоши хлопнуть, и все появится!

– Ну тебя! Хватит издеваться! Ты совсем как мама… – у девушки задрожали губы.

– Неужели ты во мне сомневаешься, Юленька? – присел перед «конопушкой» Еремей. – А еще почти просветленная! Людям нужно верить! Давай руку, пойдем.

Спустя примерно полчаса «Урал-Соло», утробно бормоча мощным мотором, затормозил напротив разукрашенного гирляндами кафе «Рыбный дол».

Варнак заглушил мотоцикл, откинул подножку, помог слезть «конопушке», с трудом удерживающей огромный букет дельфиниумов, снял шлем с ее головы, затем свой, взял девушку под руку, проводил ее до дверей и пропустил перед собой.

– Мама! – крикнула «конопушка». – Это я!

Юля побежала вперед, «леший» же остался у дверей: снял плотную косуху, способную выдержать удары капель встречного града на скорости ста километров в час, развесил на вешалке шлемы.

– Мама, позволь представить тебе моего друга. Его зовут Еремей, и он очень хороший!

Варнак услышал приближение шагов, торопливо пригладил волосы и повернулся навстречу хозяйке торжества. Они встретились глазами и одновременно вздрогнули.

– Ага… – крякнул «леший», невольно делая шаг назад.

– Ага… – сглотнула мэр города Корзова, чуть дернув подбородком в сторону и заметно склонив голову набок.

Пауза длилась, казалось, целую вечность. Но наконец Алла Альбертовна резко встряхнулась, и губы ее растянулись в приветливой улыбке:

– Очень приятно познакомиться с другом моей дочери! Какое редкое и звучное имя – Еремей! В наши дни исконные русские имена, увы, звучат все реже и реже. Очень рада вас видеть!

– От чистого сердца поздравляю вас с днем рождения, Алла Альбертовна, – Ерема поклонился и коснулся губами протянутой руки. – Восхищен вашей красотой! Теперь понятно, в кого Юлия выросла столь прекрасной.

Рука женщины чуть задержалась в его ладони, пальцы слегка сжались, скребнув ногтями, и выскользнули:

– Прошу, проходите! Юленька, рядом со мною как раз оставлено два свободных места.

Из украшенного чучелами и вялеными рыбными тушками зала обильно пахло вином, водкой, жареным мясом и маслеными салатами. А также горячими дезодорантами и слабой уксусной отдушкой. Вестимо, пир начался уже достаточно давно и гости успели изрядно поднабраться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.